

ТАТЬЯНА ТИТОВА

Если я выживу

18+

Татьяна Титова

Если я выживу

«Автор»

2025

Титова Т.

Если я выживу / Т. Титова — «Автор», 2025

Двадцать пять лет Ханна не знала другого мира, кроме выжженных руин города, пережившего Катастрофу. Ее привычная борьба за выживание обрывается в тот день, когда в ее квартире появляется таинственный и могущественный незнакомец. Он называет себя Ангелом и утверждает, что послан помочь ей. Его история кажется безумием: трое Всадников Апокалипсиса - Чума, Война и Голод - уже прошли по Земле и пали, побежденные любовью к смертным женщинам. Но теперь пробуждается четвертый, самый беспощадный - Смерть, и он жаждет завершить начатое, обрушив на мир последнюю кару. Ханна, никогда не покидавшая своего разрушенного города, вынуждена отправиться в смертельно опасное путешествие. В пути она открывает в себе пугающие сверхъестественные силы, о которых не могла и подозревать. Ее единственный спутник - загадочный Ангел, чьи мотивы не всегда ясны. Можно ли доверять тому, кто пришел из мира, однажды уже уничтожившего ее собственный?

© Титова Т., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Татьяна Титова

Если я выживу

Порой истина ложна, зло справедливо, а слабость сильна...

Глава 1

Птица. Я сижу у полуразрушенного пыльного здания, прислонившись спиной к выцветшим кирпичам. Солнце палит нещадно, а ведь сейчас совсем еще не пик его дневной активности. Скоро земля раскалится настолько, что на ней можно будет готовить пищу.

В последнее время я все чаще замечаю неуловимые изменения вокруг себя. Сегодня, например, я услышала птицу. Впервые в жизни. Мама говорила мне, что где-то далеко они еще остались и когда-нибудь вернутся к нам. Она часто насвистывала на разный манер, изображая их щебет и песни, когда готовила обед или ужин. Сюда возвращается жизнь, та дикая и независимая от людей жизнь, а я думаю о маме, которая все это никогда уже не увидит. Она всегда мечтала дать мне больше, чем могла бы. Мы много читали о временах до Катастрофы, о животных и растениях, медицине, обычаях, истории, разных науках. Не проходило ни дня, чтобы я не узнала что-то новое или не совершила какое-нибудь открытие. Теперь все это в прошлом.

Когда спустя пару часов я тихо бреду к дому мимо кладбища автомобилей и всевозможной техники, погруженная в грустные мысли, я снова слышу птицу. Теперь я убеждена в том, что этот звук был именно тем, о чем я подумала, а не плодом моего изможденного зноем и пыльной жарой воображения.

Я не спешу, потому что прекрасно знаю, что Миа – моя соседка и лучшая подруга еще не вернулась домой с работы, а в затхлых обшарпанных стенах моего жилища мне одной будет совсем невесело. Да и в свободное от работы время с ней уже не поболтаешь, ее парень Ли все время где-то рядом. Я не ханжа, рада за подругу и все такое, но иногда в душе просыпается гнусный червяк зависти и начинает меня грызть. Причем завидую я не Мие, а Ли. Она – самый дорогой для меня человек, и очень жаль, что с каждым днем ее становится все меньше в моей жизни.

Мне не остается ничего другого, как ускорить шаги, так как с каждой минутой вероятность зажариться заживо среди бетонных развалин возрастает в геометрической прогрессии. Снова птица.

Добравшись, наконец, до квартиры, я открываю дверь и вхожу в темную гостиную. Все шторы на окнах задернуты, но это едва ли спасает от жары, в комнате ужасно душно.

«Ты должна остановить ... должна ...»

От неожиданности я подпрыгиваю и в панике оглядываюсь по сторонам.

– Кто здесь? – я задаю вопрос, не имея абсолютно никакого желания получить ответ. Голос. Резкий, глубокий мужской голос. Он прозвучал так четко и ясно, что я готова поклясться, что его обладатель сказал мне это прямо в ухо. Или это было в моей голове и я все-таки получила тепловой удар? Осторожно обхожу крошечные комнаты квартиры и убеждаюсь, что я одна и можно перевести дух, но не могу отделаться от ощущения липкого страха, от которого в венах густеет кровь и ты просто стоишь на ватных ногах, не в силах шевельнуться. Сколько бы я ни проводила времени на жаре, галлюцинации никогда меня не тревожили, и, конечно же, я никогда не поверю, что они могут быть настолько реалистичными.

– Будь смелее, ты ведь не из робких, Ханна! Прекрати эти глупости, соберись!

От неожиданного стука в дверь я чуть не подлетаю к потолку. Сердце стучит где-то в плотке, и я нервно смеюсь, понимая, насколько глупо сейчас, должно быть, выгляжу.

В дверь нетерпеливо стучат снова. Это точно Миа, только она из всех моих посетителей не ждет буквально ни секунды, пока я открою дверь, чтобы начать барабанить по ней на всю округу.

– Я бегу! – кричу я ей, а сама не то, что бежать, идти-то могу кое-как.

Подруга нетерпеливо заваливается в квартиру и протягивает мне бутылку прохладной чистой воды.

– У нас получилось? – Я тянусь за водой, забывая на секунду даже о голосе, до сих пор эхом звенящем в голове.

– Да, черт бы тебя побрал, Ханна! У нас все получилось! Скоро ты сможешь нормально мыться! – Миа падает на диван, стоящий недалеко от входной двери, и сонно потягивается.

Водопровод! Спусти столько лет у нас он снова есть.

Долгие годы в нашем городе не было практически никаких условий для жизни. После страшного Катаклизма почти 27 лет назад все полетело к чертям. Электричество отрубилось, техника пришла в негодность, автомобили, самолеты, корабли – все прекратило функционировать. Никто не понял сразу что произошло, а спустя какое-то время поползли шепотки о каре Божьей или чем-то таком. Я в это мало верю, хотя масштаб разрушений и громадный.

Я никогда не выбиралась за пределы своего города, но много слышала о том, как дела обстоят в других городах и странах. Везде одно и то же. Мама рассказывала, что все началось с какой-то болезни. Она пришла из ниоткуда и спустя недолгое время ушла в никуда. Но даже за такой короткий срок болезнь успела унести миллионы жизней.

Затем испуганные, изможденные страхом за жизнь люди начали воевать друг с другом. Они могли убивать за кусок хлеба, за каплю воды или за крышу над головой, а зачастую убивали просто так, от скопившейся злобы и чувства обреченности. После того, как со временем люди начали приходить в чувства и смотреть на мир более трезвыми глазами, к нам пришел голод. Засуха и неурожай заставляли оставшихся людей группироваться и уходить ближе к холодным частям своих материков. Сначала погибли растения, служившие пищей людям и животным, затем стали гибнуть животные, после них умирать начали и люди. Это было ужасно. Но потом все прекратилось так же внезапно, как и началось. Все, что уцелело от невидимой руки Карателя, начало снова расцветать и набираться сил. Засуха перестала быть убийственной, постепенно все начало оживать. Вот сегодня я услышала пение птицы, которое не слышала ни разу за свои 25 лет.

– Завтра твоя очередь выходить на смену. Надеюсь, ты не испортишь результаты нашей недельной кропотливой работы над этим чертовым водопроводом!

Миа ехидно улыбается и сворачивается клубком, когда я падаю на нее в порыве праведного гнева за ее слова.

– И не надейся подловить меня на оплошности, детка! Я вылезу из кожи вон, но оставлю за собой право мыться!

Мы дурачимся и смеемся, как всегда. С самого раннего детства мы с Мией были неразлучны, часто вытягивали друг друга из передрыг и всегда стояли друг за друга горой. С появлением в ее жизни Ли эти моменты беззаветного детского счастья начали от нас ускользать.

Подруга замечает резкую смену моего настроения и вопросительно поднимает брови, отстраняясь. Положив руки мне на плечи, Миа смотрит на меня встревоженным взглядом.

– С тобой все в порядке? Когда я пришла, ты была белее мела и вот опять. Что случилось?

– Да, конечно, я в норме, о чем разговор! Просто сегодня кошмарно жарко, а питьевая вода у меня закончилась еще утром.

Я демонстративно делаю большой глоток прохладной воды из бутылки, которую мне принесла Миа. Вода действительно у меня закончилась утром, а до того она была теплой и несвежей. Так что частица правды в моих отговорках все-таки есть. Обычно я не лгу и не увиливаю от прямых ответов, особенно если это касается моего самого близкого человека, но в этот раз

я решаю, что буду выглядеть полной идиоткой, рассказав Мие о голосе, который вверг меня в такой шок.

– Ладно, будь по-твоему, сестра! Но если почувствуешь себя плохо или что-то случится, то я всегда..

– Рядом! – последнее слово мы говорим в унисон, так как эта фраза давно стала нашей с Мией. – Да-да. Я помню. Спасибо тебе за все.

Миа встает и идет к двери. Ее наверняка уже заждался Ли. Мы обнимаемся, подруга еще раз проходится по мне оценивающим взглядом и, прищурив глаза, показывает жестом, что следит за мной. Мы смеемся и Миа выходит за дверь.

Я снова остаюсь наедине со своими мыслями, которые мгновенно возвращаются к неведомому голосу. Комната сразу как будто вытягивается во все стороны, а температура понижается на десяток градусов.

Решаю, что сытный ужин и хороший отдых точно не будут лишними, а возможно и пойдут на пользу. Немного успокаиваюсь, когда понимаю, что Миа буквально за стеной, и случись со мной беда, она окажется рядом в мгновение.

Из тех продуктов, которые можно хранить в жаре несколько дней, у меня остался только кусок черствого хлеба, больше поживиться нечем. Я решаю выждать еще немного, пока солнце начнет клониться к закату и можно будет без угрозы превратиться в хрустящий стейк отправиться за продуктами.

В соседнем квартале есть небольшой магазинчик со всеми доступными нам продуктами. Не всегда есть мясо или молоко, но вот свежие хлеб и фрукты в наличии регулярно. Иногда появляется даже сыр. Помню, как впервые попробовала его, Миа тогда очень громко надо мной смеялась.

Растения быстрее адаптировались к предложенным условиям, чем оставшиеся после истребления домашние животные. Дичь в нашей местности вообще практически не водится. Мы живем на голом раскаленном камне, окаймленном кое-где реденькими садами и огородами, но мы не жалуемся, ведь это лучшее из того, что мы могли бы иметь.

Чтобы скрасить утомительное ожидание и отвлечься от тревожных мыслей, я решаю протестировать возможности своего нового водопровода. Иду в ванную, в которую втесался полноценный санузел. Ржавый унитаз и такой же ржавый душевой поддон смотрятся здесь неприглядно, будто из другого мира. Пару дней назад Ли помог мне все здесь установить, и тогда мне оставалось только лишь ждать, пока снизу начнет поступать вода.

Сейчас проверим, можно ли отправлять на заслуженный отдых мой большой таз и ведро, в котором я перетаскала сюда столько воды, что могла бы сейчас поиграть накачанными таким способом мускулами.

Я присаживаюсь на край поддона и медленно поворачиваю ручку смесителя. Невероятно громко в тишине в трубе начинает жалобно стонать и булькать воздух и, о, чудо! я слышу движение воды, а спустя пару минут я ее, наконец-то, и вижу. Вода течет грязная и вонючая, я сжимаю сложенные в мольбе руки у груди. Постепенно вода светлеет и становится прохладной. То, что нужно! Я быстро стягиваю с себя мокрые от пота вещи, бросаю их на пол и лезу под воду. Меня не волнует, что вода разбрызгивается по всей комнате, что я не позаботилась ни о вещах, ни о полотенце. Сейчас мне нужно только одно, все остальное не имеет никакого значения.

Долгие мгновения блаженства я просто стою, обтекаемая водой, потом беру мыло и начинаю мыться, пока вода не стала слишком холодной. После каждодневных манипуляций с тазом и ведром, этот прием душа – просто манна небесная. Я заканчиваю, выключаю воду и стою, запрокинув голову и закрыв глаза. Холодная вода струйками стекает по спине, бедрам, ногам и животу. Как же это приятно.

Я жду еще немного, отжимаю длинные каштановые волосы и выхожу из душа. Разогретая дневной жарой плитка на полу ласкает мои ступни. До того, как я решила принять душ, эта же плитка сводила с ума своей теплотой.

Я прохожу через коридор в спальню и, решив перед тем как одеться, заколоть волосы заколкой, иду за ней к кофейному столику в гостиной. Делаю несколько шагов и вдруг понимаю, что не одна. Боковым зрением замечаю силуэт в углу. Я резко оборачиваюсь и начинаю истошно кричать. Из тени ко мне выходит человек.

Я кричу, пытаюсь прикрыться руками и лихорадочно соображаю, что делать дальше. Когда человек подходит ближе, я понимаю, что это мужчина. Он останавливается рядом со мной и тихо просит:

– Не кричи.

Я смотрю ему прямо в лицо, когда слышу его слова, но не вижу, чтобы его губы шевелились. Голос звучит как будто внутри меня, разносится по венам с кровью и достигает самых потаенных уголков души. Его голос. Я внезапно понимаю, что этот голос я и слышала, когда пришла домой, и замолкаю. Неужели он все это время прятался где-то здесь? Кто он вообще такой и какого черта забрался ко мне домой?

Я медленно отхожу от него в сторону дивана. Как раз кстати рядом с ним на полу лежит моя ночная рубашка. Ночи, в отличие от изнурительных дней, обычно прохладные, и я предпочитаю спать в удлиненной рубашке. Трясущимися руками я быстро натягиваю ее. Ткань неохотно скользит по влажной коже, но, в конце концов, я поправляю подол и выпрямляюсь во весь рост. Смотрю на незнакомца в поисках оружия, ведь если он – грабитель, то наверняка пришел не с пустыми руками, но, похоже, что мужчина безоружен.

Он стоит и спокойно наблюдает за мной.

– Кто ты такой? – я с вызовом смотрю ему прямо в глаза. Никогда бы не подумала, что в подобной стрессовой ситуации стала бы разглядывать врага и подмечать мелочи вроде цвета глаз или формы носа, но именно этим я и занимаюсь. Он смотрит на меня яркими зелеными глазами. Они как будто светятся в полумраке комнаты и от этого ощущения по моей спине пробегают мурашки. Я скольжу взглядом ниже, подмечаю прямой тонкий нос и мягкие губы. Выражение его лица абсолютно безмятежно, черные выразительные брови не выдают никаких эмоций. Его волосы цвета воронова крыла шапкой лежат на голове, пара прядей небрежно спадает на глаза.

– Ханна. Мне нужно многое рассказать тебе, но сначала ты должна успокоиться.

Только через несколько минут я понимаю всю абсурдность ситуации. Какой-то незнакомый мне человек проник в мою квартиру, лицезрел меня голой и теперь просит об аудиенции. Что вообще происходит?

Я медленно сажусь на диван, не сводя глаз с незнакомца. Он продолжает неподвижно стоять посреди комнаты и так же смотрит на меня. Если он сделает ко мне шаг или попытается напасть, я смогу перемахнуть через спинку дивана и побежать к двери.

– Кто ты такой и что тебе от меня нужно? – Я явно даю понять, что его общество мне не нравится и, как хозяйка квартиры, в которую беспардонно вломились, требую ответов.

– Меня послали к тебе, чтобы помочь.

Незнакомец делает шаг в мою сторону и останавливается, замечая, что я напрягаюсь.

– Ты не должна меня бояться. Я не причиню тебе вреда.

Мужчина делает слабую попытку улыбнуться, но это больше похоже на гримасу отвращения или, как минимум, пренебрежения.

– Именно так сказал бы любой из существующих на Земле злодеев. Кто ты, на хрен, такой? Почему это я не должна тебя бояться? Ты вламываешься ко мне в дом, а как ты, к стати, вошел в квартиру? Потом палишь на меня, отказываешься назвать свое имя, говоришь

какую-то чушь и утверждаешь, что я нуждаюсь в твоей помощи. До того, как ты ко мне влез, мне не требовалась ничья помощь.

Я складываю руки на груди и вопросительно смотрю на мужчину. Теперь, когда он стоит вдали от меня, я могу рассмотреть его получше. У него широкие плечи и длинные ноги. Он одет в черную рубашку, такие же черные брюки и черные ботинки на шнуровке. Будто сошел с обложки модного журнала, которые сохранились еще кое-где после Катастрофы. Миа часто разглядывала парочку из таких журналов и пускала слюни на подобного вида парней, изображенных на фото, когда была подростком. Незнакомец очень высок, выше меня на голову, или даже больше, а ведь я и сама далеко не коротышка.

– Хорошо. Говори. И постарайся убедить меня в том, что я не должна сейчас же убегать и звать на помощь.

Мужчина медленно походит к дивану и протягивает руку.

– Не бойся. Я тебя не обижу.

Он замирает с протянутой рукой, ожидая моей реакции. Я секунду колеблюсь, но потом почему-то решаю довериться своему странному гостю.

Когда я кладу свою руку на его, он накрывает ее сверху своей второй рукой и присаживается передо мной на корточки.

В это мгновение я ощущаю себя невесомой, закрываю глаза и расслабляюсь.

– Меня послали на Землю, чтобы помочь тебе. У меня нет имени, есть только миссия. Ты должна довериться мне и позволить показать тебе.

Незнакомец замолкает, и я открываю глаза. Смотрю на него, все еще держа свою руку в его, и понимаю, что он не опасен, что мне нужно его выслушать. Как ему это удалось? Одним прикосновением он убил во мне весь страх и недоверие.

– Кто тебя послал? Откуда? Ты сказал, что тебя послали на Землю, ты что, с другой планеты? И почему у тебя нет имени? – во мне начинает постепенно разгораться искренний интерес.

– Меня послал к тебе один из Всадников Апокалипсиса – Чума. Люди называют нас ангелами. Сейчас просто доверься мне и смотри.

Ангел сжимает мою руку и я чувствую, как расслабляюсь, снова закрываю глаза и готовлюсь слушать. Но он молчит, а вместо того, чтобы слышать его рассказ, я начинаю видеть быстро сменяющие друг друга сцены каких-то событий.

Я вижу, как бушует гроза, небо пронзают бесконечные молнии, раскаты грома звучат у меня в ушах. Тяжелый влажный воздух наэлектризован.

Я осматриваюсь в надежде понять, что происходит, и почему я вижу именно эту сцену, медленно оборачиваюсь. С очередным ударом молнии среди низко нависших туч я вижу силуэты. Четыре огромные тени быстро опускаются на землю. Когда дымка между нами рассеивается, я замечаю, что силуэты принадлежат четверем всадникам. Их лошади нетерпеливо бьют копытами о землю и громко фыркают. Я успеваю только отметить, что всадники выглядят по-разному, их лошади тоже совершенно не похожи друг на друга, а в руках у каждого из всадников что-то есть.

Лошади выстраиваются в ряд и начинают движение.

Всадники поднимают руки. Первый скачет на белом коне, сжимая в руке золотой лук, на его голове покоится золотая корона, тело защищено сияющими даже в отсутствие солнца золотыми доспехами. Его соломенные волосы промокли и липнут к лицу.

Второй всадник едет на красно-рыжем коне. В руке, закованной в кожаные доспехи, он держит огромный меч. Темные волосы обрамляют его грозное лицо.

Третий всадник сидит на черном коне. Он в бронзовых доспехах и держит в руке весы. Я мимолетно подмечаю, что весы – довольно странное оружие, особенно для Всадника Апокалипсиса.

Мама рассказывала мне о них. В то время, когда люди начали строить догадки, что же происходит на Земле и в чем причина всех бед, многие из них говорили о Судном дне и четырех Всадниках, пришедших к нам с целью истребления неверующих. Я всегда думала, что это просто сказки.

Четвертый всадник скачет на коне, цвета которого я никогда не видела прежде. Он напоминает мне цвет кожи мертвеца, которых я так много повидала в детстве, когда люди еще умирали в огромных количествах, иногда прямо у меня на глазах. В руке всадник держит огромную косу.

Совсем недолго я вижу их всех, но затем трое немного отстают и скачут чуть поодаль от четвертого. Потом они как будто теряются в тумане и постепенно совсем исчезают. Скакать продолжает только один, тот, что на белом коне.

«Ханна..»

Я поворачиваю голову на зов, но рядом никого нет, а когда я возвращаюсь глазами к Всаднику, то и его на том месте уже нет. Картина меняется и теперь я вижу Чуму во всей его красе. Он проезжает мимо меня и осматривает окрестности без каких-либо эмоций. Я вглядываюсь в прекрасные черты его лица и понимаю, что незнакомец, который мне все это показывает, говорит правду. Всадник действительно ангел. Еще ни один мужчина не привлекал меня так, как этот. Это не та притягательность, исходящая от мужчины, который нравится женщине в сексуальном плане, абсолютно нет. От него чувствуется огромная мощь и невероятная опасность, хотя на вид он – сама невинность. Он гипнотизирует меня, притягивает к себе магнитом, мне кажется, что вместе с его доспехами сияет и вся его кожа. Не без труда я перевожу взгляд с него на то, что происходит вокруг.

Я вижу аккуратную чистую улицу с магазинами и кафе, автомобилями и трамваями. Так выглядела и моя улица до Катастрофы.

Все было бы прекрасно в этом пейзаже, если бы не полное отсутствие жизни. Она ушла из этих мест; вместо оживленного города мне приходится смотреть на его медленно гниющий труп. Кое-где на тротуарах в тени я замечаю людей. Сердце гулко бьется в груди, я в страхе прижимаю к ней руки. Люди корчатся в агонии, их кожа покрыта волдырями, из которых сочится коричневая жидкость. Несколько людей не двигаются, наверное они уже мертвы или обессилены настолько, что не могут даже открыть глаза.

За секунду картинка снова меняется и теперь я смотрю на женщину, которая кричит на Всадника и умоляет убить ее и избавить от муки. Она кричит о том, что больше не в силах видеть, как все вокруг нее умирают в страшных муках, а она даже ничем не может облегчить их последние часы в агонии. Ее длинные волосы разметались по спине и плечам, глаза полны слез. На фоне Всадника женщина выглядит маленькой и беззащитной. Всадник отшатывается от нее, будто увидев ядовитую змею. Потом его черты смягчаются, он вытягивается во весь рост, устремляет взгляд в небо и сокрушенно просит о милости Господней. Он кричит, обращаясь к облакам, что не хочет больше выполнять свою миссию и убивать людей. Он уверяет, что готов пощадить их, что люди заслуживают прощения и он хочет сложить оружие и провести остаток своих дней, как смертный.

Снова смена картинки и передо мной уже счастливый Всадник обнимает ту женщину, которая только что умоляла его о смерти. Они стоят спиной ко мне и смеются. На руках у Всадника сидит девочка. Я вижу ее каштановые хвостики, но, как ни стараюсь заглянуть за плечо мужчины и получше ее разглядеть, ничего не выходит.

Их очертания быстро исчезают в дымке и я чувствую, как на меня накатывает волна жара.

Я открываю глаза и встречаюсь взглядом с Незнакомцем. Я снова в своей квартире, обуреваемая целым спектром разных эмоций. Жара дает о себе знать, наверняка я пробыла в своем образном трансе довольно долго и мое охлажденное после душа тело успело снова нагреться.

– Что это было? – выпаливаю я. Ангел улыбается и встает. Мне приходится запрокинуть голову наверх, чтобы видеть его лицо. Он медленно обходит комнату, касаясь длинными пальцами пыльных поверхностей моей выдавшей виды мебели. Когда доходит до зеркала, к которому приклеено несколько фотографий, он оборачивается и указывает на женщину, стоящую рядом со мной – подростком.

– Моя мама. – я прочитываю вопрос в его глазах и отвечаю на него, не дожидаясь, пока он будет произнесен вслух. – Она умерла, когда мне было семнадцать.

Ангел отворачивается и долго смотрит на фото.

Я нетерпеливо ерзаю, Ангел замечает это и снова мягко улыбается.

– Ответь на мой вопрос. Что ты мне показал? Если ты ангел, как говоришь, то зачем пришел ко мне? О чем ты хочешь меня предупредить? Я ничего не понимаю.

– Тебе нужно поесть, Ханна. У нас еще есть немного времени, скоро я покажу тебе все, что ты захочешь знать, а пока отдохни и приди в себя. Мне нужен твой холодный разум и спокойные нервы. Я приду к тебе вновь, когда твои мысли перестанут хаотично метаться и ты примешь действительность такой, какая она есть. Я нашел тебя, сейчас это самое важное.

С этими словами, повисшими в воздухе, Ангел выходит из комнаты, а затем и из квартиры, а я остаюсь в полном недоумении сидеть на промятом диване наедине со своим хаосом в мыслях.

Незнакомец прав – мне действительно нужно побыть одной и все обдумать, да и голодные спазмы в желудке дают о себе знать. Я быстро одеваюсь и мчусь за провизией. Оказывается, солнце уже скрылось за развалины когда-то высоких домов и жара начала сменяться приятной прохладой.

Глава 2

Утром я думаю, не приснилось ли мне все это. Вспоминаю о том, что теперь являюсь счастливой обладательницей воды, за которой никуда не придется идти. Мои мысли возвращаются к повседневной рутине.

Сегодня моя очередь выходить на смену. Мы с Мией работаем на парня, возводящего новые коммуникации в домах. Парень в свою очередь работает на мэра. Этот напыщенный поганец живет в шикарном доме, окруженном зеленью и распоряжается, кто и когда сможет получить воду в дом или какую-нибудь работу.

Наша жизнь устроена довольно просто – мы пытаемся выжать из сложившегося положения максимум комфорта и не сойти с ума от безвыходности. Мэр раздает указания нескольким группкам людей, которые всеми силами стараются построить для нас всех новый мир. После Катастрофы осталось не так много людей и ресурсов для их дальнейшего выживания. Так происходит в моем городе, возможно так происходит и во всей стране, а может быть наш мэр и его прихвостни просто мерзкие ублюдки и пудрят нам мозг, говоря о критических разрушениях инфраструктуры, трудностях с логистикой, отсутствием специалистов и прочей фигне. Я всегда мечтала выбраться когда-нибудь за пределы своего города и самой убедиться в его словах.

Я стою у зеркала в гостиной и затягиваю пояс на своем рабочем комбинезоне, когда замечаю в отражении Ангела. Он стоит у прохода и молча смотрит на меня. Я испуганно оборачиваюсь и инстинктивно хватаюсь за сердце. Этот гад прикончит меня, если вот так будет внезапно материализоваться из воздуха.

– Как ты заходишь в квартиру? Входная дверь заперта! И не смей уходить от ответа, иначе я больше не буду даже слушать тебя. – из моих глаз в сторону Ангела буквально летят искры, я твердо намерена получить ответы.

– У тебя очень ненадежный замок. – говорит он и улыбается. Его улыбка завораживает меня точно так же, как завораживало лицо Всадника, когда я видела его в своих видениях. – Я обещал тебе вернуться, когда ты будешь готова. – Он замолкает, явно ожидая подтверждения моей готовности к чему-то. Но как я могу быть готова к тому, о чем понятия не имею?

– Сейчас я готова лишь к выходу на работу. Меня наверняка уже потеряли. Сегодня будет тяжелый день, мы, видишь ли, мир спасаем. Я бы попросила тебя покинуть мое жилище и придти в более подходящее время.

Ангел ухмыляется и качает головой. Он подходит ко мне так быстро и внезапно, что я вздрагиваю и резко втягиваю ртом воздух. Ангел касается рукой моего плеча и говорит:

– Сейчас самое подходящее время, Ханна. Ты больше не пойдешь на свою работу, не вернешься в свое жилище и не увидишься с подругой. Я заберу тебя отсюда.

– Что? – я отшатываюсь от него, глаза будто бы готовы вылезти из орбит от удивления и возмущения. Он решил вершить мою судьбу? После пары фокусов с гипнозом и дверным замком он решил, что может придумать мне новую жизнь и лишить того, что я люблю и к чему привыкла.

На секунду я представляю себе мир без поддержки и острых шуточек Мии, без привычных мне дел в стенах квартиры, которая служила мне надежным убежищем всю мою жизнь. Я прохожусь взглядом по интерьеру, воображение сразу рисует мне разные эпизоды из жизни, связанные с этим местом. Вот мама двигает ко мне книгу и называет разные буквы, вот она улыбается чему-то, вот с восхищением вертит в руках фотоаппарат, который мы с Мией разыскали в развалинах магазина техники. Вижу Мию, которая с упоением рассказывает о том, как встретила Ли, вижу, как дни сменяются ночами и наоборот, и в груди начинает стягиваться узел. Я не хочу верить незнакомцу. Мама бы точно пристыдила меня за такое ярое нежелание

помочь просящему и, вспоминая ее теплую улыбку, с которой она всегда убеждала меня подумать еще разок и, возможно, изменить свое решение, я сдаюсь.

– Я пойду с тобой, но сначала ты расскажешь мне все. С самого начала. Откуда ты меня знаешь, что за события ты мне вчера показал и какую роль во всем этом играю я?

Я прохожу мимо Ангела в кухню, наливаю воду в два стакана, один ставлю перед собой, другой на стол напротив себя и указываю на стул приглашающим жестом. Ангел подходит к столу и садится. Неудивительно, что я не заметила его ни в первую нашу встречу, ни сегодня. Он передвигается беззвучно, словно тень. Я сажусь и делаю глоток из стакана. Ангел откидывается на спинку стула и спокойно смотрит, как я пью.

«Все еще не доверяешь мне?»

Я замираю, глядя на губы Ангела. Он говорит со мной, но губы неподвижны. Снова голос звучит прямо в моем мозгу. Он видит мою реакцию и улыбается. Мне одновременно и нравится его красивая улыбка и раздражает.

– Ты заперта в этом городе, словно в клетке, Ханна. За его пределами тоже есть жизнь и она гораздо более разнообразна и насыщена, чем ты могла бы себе вообразить. Твой маленький почти стертый с лица Земли городишка расположен слишком далеко от центра жизни восстанавливающейся цивилизации. До него никому нет дела и вряд ли когда-то будет. Твоя мать должна была беречь тебя и она сберегла.

Глаза Ангела загораются. В комнате жарко, а глядя на его живой горящий взгляд, я ощущаю еще больший жар.

– Когда пришли Всадники, мир не был к этому готов. Невозможно быть готовым к смерти, не так ли? Они по очереди проехали по разным краям планеты и забрали столько жизней, сколько смогли. Они стремились очистить мир от неверия и греха. Люди и сами хорошо справлялись до них, убивая друг друга. Совершая один грех за другим, смертные навлекли на себя гнев Божий и поплатились за это. Ты наверняка слышала эти истории.

Люди отринули Бога и тонули в пороках, когда пришло избавление. После того, как Чума, Война, Голод и Смерть выполняют свое предназначение, на Земле должны были бы остаться лишь истинно верующие и чистые люди, в сердцах и душах которых не было бы места злу.

Я слушаю монолог Ангела и практически не дышу – как под гипнозом. Он говорит ужасные, отвратительные вещи. Как такое вообще возможно? Мама часто вспоминала время до прибытия Всадников с теплыми чувствами и грустной ностальгией, она рассказывала, как ей хорошо и счастливо жилось со своей семьей, верными друзьями и добрыми знакомыми. Говорила о том прекрасном мире, который я теперь вижу уничтоженным и погребенным заживо. Как могли миллионы хороших людей заслужить все это?

Ангел видит мое волнение и подается вперед. Он кладет свою руку на мою и я чувствую разливающееся по ней тепло. Окружающая жара и все остальные заботы остаются где-то вдалеке, я закрываю глаза и успокаиваюсь. Ощущение такое, будто я выпила пару стаканов убойной настойки Макса – мужа хозяйки продуктового магазина. Вспоминаю, как мы с Мией и Ли иногда забегали к Максусу за порцией отменного настроения и прекрасного вкуса.

Когда я открываю глаза, приятные картинки из прошлого исчезают и передо мной снова появляется Ангел.

– Спасибо. Продолжай. – я невесело улыбаюсь и убираю руки со стола.

– Трое из всадников сдались. Они не смогли выполнить миссию.

– Что? Как это – не смогли выполнить миссию? Что с ними случилось? Ведь все напасти в прошлом, сейчас никто уже не умирает от голода или неизвестной страшной болезни, которые принесли Всадники, как ты говоришь. И войны давно в прошлом, а значит Всадники закончили все свои дела на Земле и ушли туда, откуда пришли. Нет?

– Первого Всадника ты видела собственными глазами. Его победила смертная женщина. Она украла его сердце и убедила в том, что люди не такие, какими их видит Бог, что в них

еще осталось добро и любовь. Она показала ему какой прекрасной может быть простая жизнь с любимым человеком.

Ангел замолкает и поднимается на ноги. Он подходит к грязному окну и отодвигает штору. На улице ярко светит солнце, его лучи теперь заливают часть моей кухни.

– То же произошло с Войной и Голодом. Они предпочли жизнь с любимой женщиной на Земле бессмертию в Раю. – Ангел задерживает штору и идет обратно ко мне. Он упирается руками о стол и продолжает:

– Бог милостив. Он позволил Всадникам остаться на Земле. Единственным запретом в их противоестественных союзах были дети. Всадники не должны были заводить потомство. Их дети от земных женщин могли погубить тот хрупкий мир, который установился такой высокой ценой. Война и Голод не нарушили запрет и живут где-то среди обычных людей, стараются восстановить утраченное бок о бок с ними, но Чума ослушался Бога. У него родился ребенок.

Я вздрагиваю. Ребенок Чумы. Девочка с каштановыми хвостиками. Чем она может угрожать нашему миру?

– Бог не увидел в ребенке опасности и не тронул его, но спящий глубоко в недрах планеты Смерть почувствовал предательство своего брата и начал пробуждаться. Он единственный из четырех Всадников еще не выполнил свой долг. Он зол и полон решимости, и когда явится к людям, он начнет вершить свою кару.

Смерть. Последний Всадник Апокалипсиса еще не побывал на Земле. Я чувствую, как сердце снова норовит выпрыгнуть из груди, а руки предательски трясутся. Я поднимаю глаза на Ангела, он все так же невозмутим.

Я вспоминаю первые слова, услышанные мной вчера после душа: «Должна остановить», похоже, что они адресовались именно мне.

– Что я должна сделать?

Не представляю, чем могла бы помочь Ангелу в противостоянии Смерти, но сомневаюсь, что у меня есть право не попытать удачи, если на кону стоит вообще все, что я знаю об этом мире.

– Собери еды и воды в дорогу, мы пойдем пешком, об остальном не беспокойся.

Ангел встает и уходит в гостиную. Я начинаю лихорадочно соображать, что с собой взять, что надеть и куда все сложить. Беру свой старый походный рюкзак и заталкиваю туда хлеб, бутылку с водой, кусок сыра, которым разжилась вчера вечером, немного винограда, штаны и теплую кофту.

– Держи в голове, что ты больше сюда не вернешься. Если сейчас ты выйдешь за порог со мной, обратной дороги не будет, ты должна будешь пройти этот путь до конца. Я бы хотел пообещать, что все будет хорошо и ты скоро увидишь друзей и вернешься к своей обычной жизни, но не могу. Я просто не могу знать, чем закончится наше с тобой путешествие, назовем это так.

– Поняла.

Я наверняка сошла с ума! Обхожу все комнаты, беру еще несколько вещей по мелочи вроде расчески или лишней пары трусов, бережно укладываю на дно рюкзака фотографии мамы и Мии.

В спальне я беру из шкафа легкие брюки, свободную футболку и стягиваю с себя рабочий комбинезон. Переодевшись, собираю волосы в хвост на затылке и оборачиваюсь к выходу. В дверном проеме стоит Ангел, оперевшись плечом о косяк. Он засовывает руки в карманы и закидывает одну ногу на другую в непринужденной позе. Я вздрагиваю от неожиданности и чертыхаюсь. Ангел все это время наблюдал за мной? Я начинаю подозревать, что ему это нравится – смотреть на меня без одежды. По моей спине пробегают мурашки, а Ангел и усом не ведет. Нет. Он же ангел, он не должен быть заинтересован в приземленных вещах вроде

похоти или сексуального влечения, ведь так? Те женщины, которые покорили троих Всадников наверняка долго ломали их естество прежде, чем смогли достучаться до их сердец.

Через пятнадцать минут мы уже шагаем под палящим солнцем в неизвестном мне направлении. Ангел все это время молчит, но оно и к лучшему – у меня есть возможность погрузиться и постараться смириться со своим положением.

Когда мы пересекаем такие знакомые и родные мне места, сердце сжимается. Я стараюсь не смотреть на развалины, квартиры знакомых, людей, которые провожают нас любопытными взглядами.

Мы идем уже несколько часов и я понимаю, что выдохлась. Мне жарко, я голодна и очень устала. В обычные дни в это время суток я стараюсь сидеть в тени и как можно меньше двигаться. Изнуряющая жара норовит вытянуть из тебя все силы, и стоит сильно постараться, чтобы их сберечь.

– Эй, мне нужна передышка. – Ангел идет впереди и будто не слышит меня. Он проходит еще несколько метров и говорит, не оборачиваясь:

– Мы не можем здесь останавливаться, Ханна. Потерпи. Скоро найдется более подходящее место для привала.

Я осматриваюсь по сторонам и не вижу ничего особенного. Мы могли бы остановиться здесь или в точно таком же месте пару часов назад и, я уверена, что и через еще три часа пути все будет выглядеть в точности так же. Как среди одинаковых городских развалин какой-то закоулок может быть более или менее подходящим для привала, ума не приложу.

Потрескавшаяся асфальтированная дорога постепенно уходит вверх. Когда мы доходим до самого высокого ее положения, Ангел поворачивается и подходит ко мне.

– Посмотри.

Я прослеживаю направление его взгляда и смотрю туда же. С этой высоты перед нами открывается вид на весь город. Дыхание на секунду перехватывает. Возможно, я вижу эти места в последний раз в жизни. Ангел не торопит меня, он молча стоит рядом и смотрит вдаль. Одинокая слезинка скатывается по моей щеке. Я чувствую, как пальцы Ангела нежно прикасаются к мокрому следу. Я поднимаю голову и наши взгляды встречаются. В его глазах я вижу зелень всего мира, непроглядные леса, которых никогда в жизни не видела. Он гладит меня по щеке и мне так хочется прижаться к нему всем телом, утонуть в его объятиях, почувствовать силу его крепких мышц и услышать биение сердца в груди. Но, понимая, что это явно лишнее, я осторожно отстраняюсь и вытираю слезы.

Мы идем еще около часа, пока не выходим из пригорода и дома не остаются позади. Теперь перед нами расстилается пустырь с редкими кустами и низкорослыми деревьями. Солнце уже начинает клониться к закату, когда мы, наконец, останавливаемся. Мы сходим с дороги и идем к двум стоящим рядом деревьям. Они довольно высокие, чтобы под ними можно было найти тень.

Я сажусь на камень и устало вытягиваю ноги. Ангел садится напротив и смотрит, как я растираю мышцы.

– Прости, Ханна. Я должен был подумать о твоей непригодности к долгим прогулкам. Нам предстоит еще очень длинный путь..

Я перебиваю Ангела:

– Я все еще не могу узнать, куда именно мы идем? Я доверилась незнакомцу, но с каждой минутой утомительной ходьбы в неизвестность уверенность в правильности моего решения улетучивается.

Ангел качает головой.

– Я не могу сейчас рассказать тебе все. – Он сидит ровно и неподвижно, как изваяние. – Для начала я хочу показать тебе жизнь. Показать, как выжившие люди борются за восстано-

ние всего, что было уничтожено Всадниками, за то, что было утрачено до недавнего времени. Ты знаешь, иногда я готов поверить, что Всадники ошиблись, став на сторону человечества и сложив свое оружие, но потом вижу другую сторону жизни человека. Несомненно человек – самое порочное существо в мире, самое жестокое и беспринципное, готовое на все ради собственной выгоды, самый опасный хищник и убийца, но в то же время человек способен на самопожертвование и великую отвагу, на милосердие и помощь ближнему своему, на сострадание и скорбь. Человек способен искренне и беззаветно служить Богу, жить по заповедям его и славить его, вопреки всему. Человек способен на искреннюю любовь.

Я отвлекаюсь от своего занятия и смотрю на Ангела. Он все так же сидит неподвижно, как статуя. Такой безукоризненно красивый, без признаков какого-либо дискомфорта из-за жары или усталости, одетый как на подиум. Сейчас, глядя на него, я бы легко согласилась со словами о человеческой способности любить.

– Хорошо, покажи мне все это. Надеюсь я выживу в этом чертовом аду до того, как мы доберемся до цели. – Я взмахиваю рукой, указывая на мертвый пейзаж вокруг и на все еще палящее солнце. Ангел поднимается на ноги и говорит:

– Боюсь, ты еще не видела ад. Настоящий ад ведет за собой Смерть.

Он уходит за деревья и исчезает за холмом.

Позже вечером, когда на смену дневному зною наконец приходит ночная прохлада, я достаю из рюкзака теплые вещи и одеваюсь. Ангел приносит довольно много сухих веток и складывает их для костра. Я сижу и наблюдаю, каким образом он будет добывать огонь, когда он просит меня дать ему спички.

– И где же мне их взять? – я вопросительно смотрю на него, подняв брови. Он спокойно подходит ко мне, наклоняется, почти касаясь грудью моего плеча и достает рюкзак у меня из-за спины. Затем роется в нем и вытаскивает спички.

– Я положил это на случай, если тебе станет холодно.

Я отнимаю у него рюкзак и заглядываю внутрь.

– Что еще ты положил туда без моего ведома? – я вижу только вещи и предметы, которые сложила сама.

Ангел улыбается и чиркает спичкой. Ветки настолько сухие, что огонь разгорается за долю секунды и начинает весело потрескивать.

У огня тепло и уютно, я сажусь на небольшое бревно, снимаю обувь и с ужасом обнаруживаю, что обе мои ноги в крови. Я внимательно осматриваю ступни, но не нахожу ни одной раны или ссадины. Что за дела? Крови довольно много, она же откуда-то взялась.

Напротив меня прямо на землю садится Ангел. Он смотрит на меня сквозь пляшущие языки пламени и улыбается. Вновь его манящая улыбка. Что ты делаешь со мной, Незнакомец?

– Ты поранилась? – спрашивает он, кивая на мои ноги.

– Я не знаю. – я верчу ногами, еще раз пытаюсь найти хоть одну царапину. – Я не чувствую никакой боли или дискомфорта, но посмотри, как здесь много крови.

Беру бутылку, наполовину заполненную водой и выливаю немного на краешек своей кофты. Мокрой тканью стираю засохшую кровь с ног. Как я и думала, кожа цела, нигде нет и намека на рану.

Я поднимаю глаза на Ангела.

– Это ты сделал? При ходьбе я натерла ноги, а ты каким-то волшебным образом исцелил меня?

– Я обязательно сделал бы это, девочка, если бы только мог. У меня нет такой силы, к сожалению. – он задумчиво смотрит в огонь, отламывая кусочки от ветки и подкидывая их в пламя.

– Тогда я вообще ничего не понимаю. Кровь явно моя, и явно, чтобы ее натекло так много, я должна быть ранена. Но я полностью цела! – я еще раз осматриваю и ощупываю ноги.

Ангел устремляет на меня серьезный взгляд и говорит:

– Я думаю, что ты сама себя исцелила.

Его слова имеют в моем сознании эффект разорвавшейся бомбы. Как это, я сама себя исцелила? Я что, какая-то ведьма или что-то вроде того? Я нервно смеюсь, ожидая, что сейчас и он засмеется и признается, что разыгрывает меня.

– Как это возможно? То есть, глядя на тебя и твои суперспособности, я теперь знаю, что все возможно, но как это работает со мной?

Я обескуражена. Сегодня выдался день не из легких. Я устала, выжата, как лимон, безумно хочу смыть с себя грязь и пот, волосы растрепались и спутались, даже не представляю, насколько паршиво выгляжу. Нервы натянуты до предела и я совершенно не ведаю, что творю, судя по тому, что согласилась на эту авантюру, а теперь еще и это.

Ангел встает и подходит ко мне, садится рядом и берет меня за руку.

– Доверься мне. Не шевелись.

Он достает откуда-то нож, видимо, я была слишком увлечена событиями дня, что даже не заметила нож у него на поясе под рубашкой. Я замираю и настороженно наблюдаю за тем, что он делает.

Ангел осторожно касается лезвием моей руки, смотрит мне в глаза и резко дергает руку, разрезая кожу. Я вскрикиваю и одергиваю руку. Порез довольно глубокий, из него на песок под ногами быстро капает кровь. Я ошарашено смотрю на руку, потом на Ангела. Он спокойно встает, убирает нож на место и снова садится рядом.

– Какого черта ты себе позволяешь? Все-таки ты никакой не ангел, а какой-нибудь извращенец, похитивший меня ради своих извращенских целей?

Я снова смотрю на руку, чувствую острую боль в порезе и безумно злюсь на Ангела. Такие раны заживают сто лет, а в этой бесконечной жаре и антисанитарии я наверняка подхватываю инфекцию и умру где-нибудь в подобном месте рядом с этим напыщенным самоуверенным подлецом. Он этого и хочет? Убить меня таким нехитрым способом? Ну уж нет! Нужно возвращаться домой и тогда все обязательно будет хорошо.

Ангел никак не реагирует на мою ругань, а снова берет мою руку в свою. Я с силой пытаюсь вырваться, но он сжимает хватку.

– Прекрати дергаться и посмотри.

Я слушаюсь и смотрю на руку. Она все так же в крови, но кровь уже не стекает на землю, даже наоборот – немного подсохла. Я приближаю руку к лицу и цепенею. На месте глубокого пореза теперь чистая кожа без следов какого-либо воздействия на нее всего пару минут назад.

Я перевожу взгляд на Ангела, потом на руку и снова на него. Он улыбается.

– Поздравляю тебя, ты начала раскрываться. Я не был уверен, есть ли в тебе сила, но теперь убедился, что все-таки есть. Ты сможешь еще многое открыть в себе, если перестанешь быть колючкой и доверишься мне.

Он протягивает руку к моему лицу и мягко гладит по щеке, как тогда на дороге. Это прикосновение похоже на легкий ветерок на закате, предвещающий отступление зноя, на добрую улыбку моей дорогой Мии, когда она приходит ко мне с хорошей новостью или на надежду на светлое и счастливое будущее. Никогда до сих пор мне не приходилось испытывать таких эмоций, чувствуя прикосновения и взгляды кого-либо. Я моментально покрываюсь мурашками и чувствую, как тяжелеет тело.

– Расскажи мне о том, что со мной происходит, прошу тебя. – я почти шепчу эти слова. Его губы так близко и мне почему-то хочется плакать. Буря разных эмоций и чувств внутри меня, я схожу с ума под их натиском, и если сейчас он мне ничего не ответит, я просто взорвусь.

– Расскажу. Но не сегодня. У нас еще будет время поболтать о том, о сем. А сейчас неплохо тебе было бы отдохнуть.

– Ты шутишь? Нет, ты издеваешься! Я не собираюсь спать! – вся романтика и трепетность момента рассеивается и я снова на него злюсь.

Он встает и уходит. Несколько минут я сижу в одиночестве, уставившись в одну точку. Потом Ангел возвращается с очередной порцией сушняка в руках. Он бросает ветки на землю и сооружает подобие ложа. С одной стороны он кладет охапку травы и накрывает ее какой-то тряпкой. Где он все это берет? Он подходит ко мне и наклоняется.

– Что ты делаешь? – Я пытаюсь отстраниться.

– Помогаю тебе добраться до постели. – не обращая внимания на мои протесты, он молча тянет меня за руку.

Я встаю и понимаю, что помощь сейчас пришлась бы как нельзя кстати. Ноги протестующе ноют, все тело ломит и просит оставить его уже в покое. Но ведь я только что излечилась от открытой раны, почему не могу излечиться и от усталости? Нужно будет не забыть как-нибудь на досуге задать Ангелу и этот вопрос среди тысячи других.

Ангел поддерживает меня под руку, ведя к сложенным веткам. Я уже не сопротивляюсь. Мне действительно необходим отдых и сон.

– Ты не будешь спать? – я пытаюсь поудобнее улечься на ветках, под головой примятая трава играет роль довольно удобной подушки.

– Мне не нужно спать. – Ангел бросает в костер несколько поленьев и устраивается на земле, облокотившись о дерево. – Мне не нужно есть, пить и мыться, как тебе. У меня нет мирских потребностей. Я ангел, Ханна.

– Я помню. Хорошо, нет проблем. Нет, так нет. Ангел. У тебя никогда не было имени? Просто Ангел?

– Просто Ангел. Люди еще не придумали мне имя, как всем остальным, побывавшим на Земле.

В свете яркого пламени его волосы кажутся не такими черными, а глаза, кажется, смеются. Он выглядит совсем юным.

– Сколько тебе лет? – я переворачиваюсь на бок и подпираю голову рукой.

– Я не знаю. Вне этого тела я был бесплотным духом, время никак не влияло на меня и не оставляло на мне следов. Теперь мы с тобой странствуем сквозь него и я чувствую, как оно течет сквозь нас.

Он смотрит на меня и по моей коже вновь бегут мурашки. В голове не укладывается, что он на самом деле – посланник самого Бога и он реальный, сидит в паре метров от меня, такой совершенный и безукоризненный.

– Элиан. Ты отказываешься назвать мне свое имя, а может у тебя его и правда никогда не было. Ты нагрязнул, как гром среди ясного неба и рассказываешь мне свои невероятные истории. Но пока ты для меня чужак, незнакомец. Так что это имя вполне подошло бы тебе. Что скажешь?

Внезапно его прекрасные изумрудные глаза, смотрящие прямо на меня, стекленеют и мутнеют, а спустя секунду Ангел, как ни в чем не бывало говорит:

– Ты придумала мне имя, исходя из того что я – чужак для тебя. У этого имени есть и другое значение. Бог – семья. Вполне отражает мою суть и в том и в другом случае. Ты знаешь, что означает твое имя?

Я качаю головой и вопросительно смотрю на него в ожидании ответа.

– Милость Бога. Благодать. Ты дана этому миру Богом.

Я слушаю его голос, такой тихий и спокойный, и медленно погружаюсь в сон. Он еще что-то говорит, но я уже проваливаюсь в темноту и ничего не слышу.

Глава 3

На третий день нашего путешествия от моего запаса еды и воды ничего не остается и я буквально изнемогаю от жажды, когда к вечеру небо затягивают серые тучи, раньше времени скрыв палящее солнце, и начинает накрапывать дождь. Впервые в жизни я настолько сильно радуюсь дождю. Пейзаж постепенно начинает меняться, как и погода, чем дальше мы уходим на юг. На нашем пути чаще появляются различные растения, которые мне неизвестны. Это поразительно, я ведь верила всем сердцем, что выйдя из своего родного города, неминуемо умру на второй день. Я начинаю понимать, что мое знание о мире, о людях, о природе и всем том, что сейчас вообще происходит на планете, ограничивалось такой крошечной территорией, где я прожила всю свою жизнь, что с губ невольно срывается грустный смешок.

Из большого листа какого-то неведомого мне растения Ангел сооружает нечто вроде воронки и вставляет ее в горлышко моей бутылки из под воды. Дождевые капли начинают медленно стекать по ее стенкам. Мы останавливаемся, чтобы набрать побольше воды, когда дождь усиливается.

Вокруг нет никакого укрытия, нет деревьев и домов, только бесконечная равнина с мелкими кустами и травой. Я стою с бутылкой в руке и дрожу. Дождь быстро остужает мою разгоряченную кожу, я промокаю и начинаю замерзать.

Я вздрагиваю, когда сзади подходит Ангел и забирает у меня бутылку, ставит ее на землю и возвращается ко мне. Он расстегивает свою рубашку, стягивает ее и набрасывает мне на плечи. Несмотря на сильный дождь, ткань мягкая и как будто сухая. Мне становится тепло. Ангел подходит сзади и касается меня. Через тонкую ткань я чувствую его горячее тело. Он прижимает меня к себе, и я расслабляюсь, оборачиваюсь к нему и обнимаю в ответ. Так тепло и хорошо. Кожа под моими пальцами упругая и горячая, я чувствую рельеф его мышц. Так мы стоим какое-то время, точнее я сказать не могу. Проходит как будто миллион лет прежде, чем дождь начинает стихать и Ангел выпускает меня из своих жарких объятий.

Я отстраняюсь и смотрю на его оголенный торс. Как и лицо, его тело совершенно. Упругие мышцы, немного темных волос на груди, дорожкой спускающихся к животу и ниже за пояс брюк, сильные руки, на которых проступают вены. Мне всегда нравились мужские руки. В них заключена какая-то магия, они могут делать тяжелую работу, покрываясь грубыми мозолями, и в то же время могут быть самыми нежными на свете и доставлять неземное удовольствие.

Ангел замечает мой затуманенный взгляд и усмехается. Я смущенно отворачиваюсь, снимаю рубашку и возвращаю ему. Достая из рюкзака чуть промокшую кофту и заворачиваюсь в нее, потом поднимаю с земли бутылку. Она успела наполовину наполниться. С удовольствием отпиваю несколько глотков и убираю остатки в рюкзак.

Мы снова молча отправляемся в путь. Когда он рядом, я не могу не думать о нем, как о мужчине. Возможно, у меня просто давно не было близких отношений, или просто так устроена глупая женская психика. В любом случае, мне нужно что-то с этим делать. Это же полнейший абсурд. Он нереальный. Скоро он выполнит свое поручение и вернется в бесплотное состояние, а я надеюсь вернуться домой. Я задумываюсь о том, что будет дальше, когда вернусь в свою квартиру. Миа и остальные безусловно заметили мое отсутствие, так что мне нужно будет еще придумать, как правдоподобнее объяснить, где и с кем я была все это время и чем занималась. Если я смогу вернуться.

Дождь заканчивается, вновь выглядывает солнце и становится невыносимо душно. Как же я хочу в свой новенький душ.

– Расскажи мне о себе. – Ангел шагает справа от меня. Пейзаж вокруг нас постепенно меняется. Из безжизненной выжженной пустыни он превращается в благоухающий сад. Дере-

вьев вокруг заметно больше, трава после дождя сочная, на ней еще видны капельки. Любуюсь природой, о которой еще несколько дней назад не могла и помыслить. Я вздрагиваю от неожиданности, когда монотонный звук наших шагов по земле нарушается вопросом Ангела.

– Ты знаешь мое имя и что я могу помочь остановить Смерть, но не знаешь, кто я такая и чем живу? Это странно.

– Я знаю ровно столько, сколько мне необходимо, чтобы исполнить предназначение. Расскажи, почему ты такая колючка?

Он смотрит на меня, в его глазах скачут искорки веселья.

– Я не привыкла доверять людям с первой минуты после знакомства, к тому же, мне все еще непонятен смысл нашего путешествия. Мама в детстве всегда ругала меня за безрассудные необдуманные поступки, и теперь она бы вряд ли похвалила меня, с другой стороны – она гораздо охотнее, чем я поверила бы в твои рассказы о Боге и Всадниках. Я до сих пор не знаю, как в это все вообще можно верить.

Даже после того, как Ангел внушил мне видения, как я исцелила свои раны и осознания того, что сам он – воплощение всего, о чем может мечтать женщина, глядя на своего мужчину, я не осознаю реальность сложившейся ситуации в полной мере.

Я размышляю о том, что, по большому счету, пошла за Ангелом не столько потому, что прониклась его историей и тем, что он мне показал, сколько потому, что хотела узнать, что происходит в других местах, вдали от моего дома. И теперь, видя, как меняется мир с каждым моим шагом, я все меньше сомневаюсь в верности своего решения.

– Постой, Ханна. Тебе пора отдохнуть.

Ангел сворачивает с дороги и идет в сторону небольшой рощицы. Я с удовольствием иду за ним, трогая листья, вдыхая свежий чистый воздух. Даже солнце здесь жжет кожу не так жаростно. Я слышу пение птиц и стрекот каких-то насекомых. Понятия не имею, как могут выглядеть эти насекомые и птицы, но их звуки заставляют сердце биться быстрее от переполняющих меня чувств.

Мы быстро находим прекрасное место для отдыха, я с удовольствием бросаю рюкзак на землю и падаю рядом с ним. Я блаженно растягиваюсь во весь рост и закрываю глаза. Над головой приятно шелестит листва дерева, где-то в глубине рощи слышен щебет птиц, слабый ветерок обдувает мое обветренное загорелое лицо.

Вдруг я чувствую на себе тень – кто-то встал между мной и солнцем. Я открываю глаза и вижу Ангела. Он стоит надо мной и просто смотрит. Потом оборачивается и зовет с собой.

Мы идем в сторону рощи. Она довольно густая. В отсутствие людей природа быстро захватила местные владения. Я рассматриваю диковинные листочки, цветы и траву, как вдруг мы выходим к реке. Она большая, вода в ней такая прозрачная, что я вижу рыб даже вдали от берега.

У мамы было много книг, которые мы часто читали и изучали. Я видела все это на картинках, но и представить не могла, насколько это может быть красиво в жизни. Я смотрю на Ангела и понимаю, что мое лицо светится детским восторгом, потому что он улыбается и снисходительно качает головой, потом берет меня за руку и тянет за собой в воду прямо в одежде. Мы останавливаемся на секунду, чтобы снять обувь и прыгаем в реку. Прохладная вода ласкает измученную ярким солнцем кожу, мокрые волосы липнут к лицу а одежда – к телу. Он увлекает меня за собой в глубину все дальше и дальше от берега.

Когда я перестаю доставать ногами до дна, в кровь проникает паника. Я не умею плавать. Никогда не видела таких больших водоемов, максимум, на который мы могли рассчитывать это большой чан, который сначала нужно было заполнить водой. Так что импровизированный бассейн был у нас явлением крайне редким.

Песчаное дно быстро размывает течением, я не могу за него зацепиться и медленно ухожу под воду, тело сковывает от страха, я не могу произнести ни слова. Понимаю, что нужно позвать на помощь, но весь воздух из легких как-будто мгновенно выкачали, я начинаю тонуть.

Пытаясь расслабиться, открываю глаза. Река уносит меня дальше от берега, и когда я уже почти смирилась с неизбежным, мою руку хватает Ангел. Он с силой тянет меня на поверхность и прижимает к себе. Я откашливаюсь и выплевываю воду, прижимаясь к его телу. Он увлекает меня к берегу и через секунду я снова могу твердо стоять на ногах.

– Ты хотела убежать от меня? – Ангел гладит меня по голове, убирая волосы с лица. – Но ведь самое интересное только начинается.

Мы стоим в обнимку, я дрожу от шока и холода и цепляюсь пальцами за его рубашку.

– Спасибо тебе, Ангел, еще немного и я бы утонула. – я едва выговариваю слова трясущимися губами. Из-за шока я забываю о том, что это он виноват в том, что я едва не лишилась жизни. Сейчас я просто благодарна ему за своевременную помощь.

Ангел касается моего подбородка и заставляет посмотреть на него.

– Вчера ты придумала мне имя. Забыла? Смертные такие непостоянные и необязательные. – он отпускает меня и отступает на пару шагов. – Ты бы не умерла, Ханна. Не так глупо. Скоро я тебе это докажу.

Мы выходим на берег и разводим костер. Я не знаю, который час, но судя по положению солнца, день подходит к концу и скоро оно совсем перестанет нас согревать, нужно быстрее высушить одежду.

Пока я остаюсь возиться с местом для привала, Элиан снова куда-то уходит, а когда возвращается, я вижу в его руках пару больших рыбин и какие-то фрукты. Еда! Я совсем забыла о чувстве голода.

– Вверх по течению есть небольшой ручей, ты можешь пополнить запас воды. А это ты можешь поесть. – он садится к костру, кладет в него камень, а на него рыбу.

Я никогда не пробовала рыбу, не знаю, как ее лучше готовить, но уверена, что снять шкурку и выпотрошить тушку не было бы лишним.

Я подхожу к костру, кончиками пальцев беру рыбу и кладу ее на камень неподалеку. Ангел следит за моими действиями. Я иду к нему, наклоняюсь, касаясь грудью его плеча и тянусь за ножом, который он бросил себе за спину, вместе с нашей обувью. Он молниеносно реагирует и хватает меня за руку.

– Что ты задумала, девчонка?

– Я хочу отрезать от этой рыбы все лишнее, мне нужен твой нож.

– Этот нож не для разделки рыбы. – Элиан держит меня одной рукой, а второй сам забирает нож.

– Мне нужно очистить рыбу, я не смогу есть ее чешую, а внутренности наверняка испортят весь вкус!

Я вступаю в борьбу за нож. Элиан без труда сдерживает мои слабые порывы. Он резко встает и я оказываюсь в невыгодном положении. Я пытаюсь выдернуть руку, однако тщетно: я зажата в мертвой хватке. Внезапно он привлекает меня к себе и шепчет:

– Тебе нужно сначала научиться обращаться с оружием, иначе ты можешь пораниться.

Его голос у самого уха снова заставляет меня испытывать букет разных эмоций. Мурашки бегут по коже, а в животе растекается тепло. Я стыдливо замечаю, как под тонкой тканью напрягаются мои соски.

– Ты плохо меня знаешь, я умею обращаться с оружием.

Я обиженно отхожу к своей рыбе и палкой пытаюсь отковырять чешую. Элиан несколько минут просто стоит и смотрит на мои мучения, потом тихо подходит и протягивает нож.

– Ты права, я совсем тебя не знаю, но скоро мы это поправим.

Он многозначительно обводит меня взглядом и отходит в сторону.

Ангел ведет себя со мной как с маленькой девочкой и я понимаю, что имя, которое я ему придумала как нельзя лучше ему подходит. Должно пройти немало времени, чтобы Чужак перестал быть таковым для меня.

Остаток вечера мы проводим за нестройными разговорами. Элиан внимательно слушает то, что я рассказываю о себе и с неохотой отвечает на мои вопросы о нем.

Я утоляю голод и жажду, переодеваюсь в теплую одежду и уютно устраиваюсь у костра. Элиан, как всегда, собранный и безупречный размещается неподалеку.

– Когда ты касаешься меня, я чувствую, как уходят страх и волнение. Как ты это делаешь?

Я ковыряю палкой горящее полено.

– Я могу заставить кого угодно видеть и чувствовать то, что пожелаю. Я должен был убедить тебя поверить мне и пойти за мной, так или иначе. В том числе поэтому искать тебя отправили именно меня.

– Ты заставил меня пойти с тобой?

Мои глаза округляются, а внутри закипает гнев.

– Мог бы, но нет. Мне это не понадобилось.

Он лениво потягивается, будто мы говорим не о серьезных вещах, а о том, какой цвет ему нравится больше всего.

– То, что ты показывал мне о Всадниках – твоя выдумка?

– Абсолютно точно нет. Я показал тебе как все было на самом деле. Я могу показать все, что угодно и даже больше, но с тобой мне не пришлось ничего придумывать. Дай руку.

Элиан двигается ближе и протягивает ладонь. Я беру его за руку и закрываю глаза. Снова внутри разливается тепло и спокойствие, а через секунду я уже вижу мутные образы.

Я вижу, как иду по улице с Мисей. Нам по семнадцать, мы весело болтаем ни о чем, когда из окна моей квартиры выглядывает мама и зовет нас на обед. Я чувствую, как в груди вырастает комок и начинает с силой сдавливать внутренности. Через несколько недель мама заболеет и умрет, но семнадцатилетняя я еще ничего об этом не знаю. Я чувствую, как по щеке скатывается слеза, а через мгновение уже вижу Элиана.

– Я подумал, что ты будешь рада увидеть мать.

– Я рада, просто это очень неожиданно. Мне до сих пор больно думать о ней, мы были очень близки. Спасибо тебе. – я вытираю нос и привожу себя в порядок.

Элиан снова сжимает мою руку и затягивает меня в очередную иллюзию.

Я опять вижу себя. В своей квартире. Вижу, как выхожу из душа, заворачиваюсь в полотенце и иду в комнату. У окна стоит он. Увидев меня, он идет навстречу и протягивает ко мне руки. Я шагаю в его объятия и обнимаю за шею. Он наклоняется и целует меня, потом стягивает полотенце и ласкает обнаженное тело. Я извиваюсь в его руках, все крепче прижимаясь. Не прерывая поцелуй, я снимаю с него рубашку, потом расстегиваю брюки и начинаю снимать и их. Когда дело почти сделано, реальная я снова возвращаюсь к реальному Элиану.

Чувствую, как у меня пылают щеки и бешено бьется сердце.

– Я показал тебе настоящее воспоминание и ложное. Одно из них ты пережила, а второе хотела бы пережить.

Я сгораю от стыда и стараюсь не смотреть ему в лицо.

– Я ничего такого не хочу, ты все придумал. Может быть ты сам хочешь этого!?

Я встаю и иду подальше от него, чтобы спокойно прийти в себя, не встречая осуждающий взгляд.

– Может быть, – он озорно подмигивает мне и я чувствую новую волну стыда. – Тем не менее я ничего не придумал. Я чувствую это внутри тебя. Возможно, ты сама не осознаешь эти свои желания, но они определенно у тебя есть. Расскажи мне о том, что чувствуют люди, когда делают это друг с другом.

Я возвращаюсь к костру и сажусь. Достāju воду из рюкзака, чтобы промочить горло. Я явно не рассчитывала на такие откровенные разговоры сегодня.

– Ты о сексе?

– Да, так вы это называете.

– Я это называю занятием любовью. Никогда не стану просто заниматься сексом с тем, кого не люблю. Но с людьми бывает всякое, многие так живут. Секс без любви.

– Хорошо, расскажи, что чувствуют смертные, когда занимаются любовью.

Я смущаюсь, но беру себя в руки, я ведь не сопливая малолетка, в конце концов.

Элиан видит мои метания и улыбается. Странно: его улыбка завораживает, но одновременно с этим внушает недоверие и страх. Я не помню, чтобы хоть кто-то вызывал во мне столь противоречивые эмоции, улыбаясь.

– Это лучшее, что может испытать человек физически. Я имею ввиду, что в жизни бывает много всякого, что вызывает очень сильные эмоции, например любовь к матери, игра с любимым домашним питомцем, похвала от кого-то за хорошо выполненную работу, бутылка холодного алкоголя в компании близких людей в конце тяжелого дня, теплый летний дождь, что уносит с собой зной дневной зной, впервые съеденная вкусная еда и тому подобное, но любовь проникает в тебя до самой твоей души, и занятие любовью с любимым человеком доставляет как физическое, так и эмоциональное удовольствие. Понимаешь?

Элиан проводит рукой по волосам и задумывается. Это простое движение находит отклик где-то внутри меня.

– Думаю, что нет. Я никогда не испытывал ни любви, ни других эмоций, свойственных людям. Но твое описание мне нравится.

– Если ты не испытываешь эмоций, как тебе может что-то нравиться?

Я подтягиваю к себе колени и обнимаю их. Не могу представить, что происходит сейчас в мыслях и ощущениях Элиана. Это так дико, что он не чувствует того, что чувствует любой обычный человек.

– Я не испытывал эмоций, но я могу научиться. Сейчас я чувствую радость, когда мне что-то нравится и гнев, когда огорчает. Я чувствую это в тебе. Твое настроение меняется молниеносно, эмоции сменяют одна другую за доли секунды. Ты живая. Рядом с тобой и я чувствую себя живым. Похоже, что не только я буду обучать тебя тому, что тебе необходимо открыть в себе, но и наоборот.

Он улыбается и отворачивается, любясь оживающим пейзажем. По-моему ему все это даже нравится.

Внезапно, неожиданно для самой себя я встаю и подхожу к Элиану. Он расслабленно сидит, припав спиной к дереву, согнув одну ногу в колене. Я кладу руку на его колено и заставляю вытянуть и эту ногу, сев прямо. Когда он поддается, я сажусь на его ноги и приближаюсь. Он смотрит на меня, никак не реагируя. Я придвигаюсь ближе и, когда двигаться больше некуда, обнимаю его за шею и целую.

Сначала я позволяю себе легкий поцелуй и отстраняюсь. Смотрю в его изумрудные глаза и жду. Он не двигается. Тогда я снова целую его, но уже настойчивее, проникая в его рот языком и захватывая новые неизведанные территории. Тогда я чувствую, как он напрягается и подается вперед. Он обнимает меня, притягивая к себе. Его язык начинает отвечать моему. Элиан блуждает руками по моей спине, гладит распущенные волосы. Он все еще сдержан, его эмоции выдает только учащенное дыхание, тогда как я вся горю от желания. Его сильные руки крепко держат меня, мышцы играют под моими руками, жаркое дыхание обжигает кожу.

Мне так хорошо, что я готова к каким угодно последствиям, только бы этот момент не заканчивался, но через силу прерываю поцелуй и отталкиваю Ангела. Он не хочет меня отпускать и прижимает к себе.

– Не уходи. Мне нравится делать это с тобой. Это приятно.

Я все же ускользаю из его объятий и отхожу, садясь на свое место у костра.

– Да, это приятно. Это называется поцелуй. А то, что ты почувствовал, целуя меня, называется похотью.

– То же чувствуешь, занимаясь любовью?

Элиан не двигается с места, все так же сидит, прислонившись к дереву, будто ничего не было.

– Да, занимаясь любовью ты чувствуешь это. А еще ты чувствуешь, как мир вокруг тебя становится вдруг прекрасным, как удовольствие возносит тебя к облакам, ты растворяешься в любимом и больше себе не принадлежишь.

Элиан задумывается и смотрит в огонь, а я пытаюсь успокоиться и убедить себя в том, что не должна даже думать впредь целовать его или хотеть чего-то большего.

Основную часть следующего дня мы проводим в пути, а после того, как солнце начинает клониться к закату, Элиан предлагает остановиться. Мы идем по какой-то мертвой деревушке. Вдоль дороги стоит множество маленьких домиков с просторными дворами, в которых раньше наверняка разводили скот и выращивали сады.

Элиан заходит в один из домов и осматривается. Здесь не так плохо, как я ожидала. Мебель в прекрасном состоянии, даже пыли не так много. Я прохожу вглубь дома и прихожу к выводу, что он опустел не очень давно. Иду по комнатам и понимаю, что за эти несколько дней успела устать от кочевой жизни и соскучиться по простым бытовым радостям вроде куса мыла или удобной кровати.

– Мы остановимся здесь. Я найду тебе еду.

Элиан выходит, не глядя на меня.

Когда он возвращается и бросает кучу дров к крошечному камину в гостиной, я уже набираю ведро воды, чтобы нагреть ее и, наконец-то, помыться.

Элиан протискивается в дверь и кладет на кухонный стол какую-то птицу. Она довольно большая, в ярких красивых перьях. Он кладет рядом с птицей свой нож и ухмыляется. Этот огромный самоуверенный говнюк не упускает возможности подтрунить надо мной, но я не собираюсь доставлять ему удовольствие, отказавшись разделать дичь, поэтому с гордым видом беру нож и принимаюсь за дело.

Вечером, когда все мои основные жизненные потребности удовлетворены, я сажусь на диван перед камином, поджимаю под себя ноги и готова уже расслабиться, когда Элиан входит в комнату с двумя дубинами в руках.

– Вставай, Ханна, пора тебе приступить к тренировкам.

– К каким еще тренировкам? – я сонно потягиваюсь и смотрю на него сквозь прикрытые веки. – Ты сейчас ведь не серьезно?

Элиан походит к дивану и протягивает мне одну из палок.

– Я не шучу. Мы уже совсем близко к цели. Когда на нашем пути встанет Смерть и его войско, ты будешь рада уметь делать пару трюков с оружием. Идем.

Я беру палку, босыми ногами встаю на пыльный деревянный пол и слеую за Элианом в центр комнаты.

Мы расходимся в разные стороны, как фехтовальщики и занимаем позиции. Я не имею ни малейшего представления, что должна делать и просто жду, что будет делать мой партнер. Он медленно идет на меня, а потом резко замахивается дубиной над моей головой. Я кричу от неожиданности и отшатываюсь назад, палка Элиана со свистом скользит в сантиметре от моего лица.

– Постой! Я не готова. Объясни, что делать.

– Защищайся. Эта палка должна стать продолжением твоей руки. Как бы ты стала защищаться от дикого зверя, напади он на тебя?

– Я не знаю, как защищаться от зверей, я их даже никогда не видела!

Элиан снова замахивается, а я пытаюсь парировать его удар. Получается! Его оружие с силой врезается в мое и ангел хвалит меня.

– Ты молодец. Теперь добавь силы. Представь, что от твоего удара зависит твоя жизнь.

Я размахиваюсь и бью. Элиан взмахивает своей палкой и с легкостью уводит мою в сторону от себя, гася удар.

– Представь, что от твоего удара зависит жизнь Мии.

Миа. Как она там? Наверняка места себе не находит, я ведь даже не подумала оставить ей какую-нибудь записку.

Я снова замахиваюсь палкой на Элиана, но когда он пытается выбить ее из моих рук, я уворачиваюсь, набираю скорость и, вложив в удар всю свою силу, бью его по руке. Он роняет свою палку и останавливается, держась за раненую руку.

– Боже мой, прости меня! – я подбегаю к нему, отшвыривая по пути палку. – Очень больно? Дай посмотреть.

Я смотрю на его ранение и вижу, что кожа на предплечье разорвана, а под ней виден осколок сломанной кости.

– Совсем неплохо для первого раза, Ханна! – глаза Элиана светятся, а я трясусь от страха за его руку. Он замечает мой испуганный взгляд и убирает ее.

– Не беспокойся об этом, девочка, рука быстро заживет. Мне почти не больно. Возьми же себя в руки, я бессмертный, помнишь?

Он встает и смотрит на меня с высоты своего исполинского роста, потом молча идет к дивану и садится, рука при этом безжизненно болтается.

– Теперь можешь отдохнуть, завтра мы найдем оружие получше и продолжим.

Я иду к дивану на ватных ногах и сажусь рядом с Элианом.

– Я не хотела тебе навредить. Я вообще не думала, что могу так сильно бить.

– Ты можешь бить сильнее, поверь мне.

Он протягивает ко мне здоровую руку и гладит по волосам. Только что он так холодно отреагировал на мое проявление слабости, а теперь нежно гладит волосы. Что у тебя на уме, ангел? Его прикосновение успокаивает и навеивает сонливость, я закрываю глаза и откидываюсь на диванные подушки.

Глава 4

Следующие несколько дней мы идем, останавливаясь на ночлег в заброшенных домах, которые теперь встречаются регулярно, а вечерами Элиан преподает мне уроки владения различным оружием. Пока я сплю или занимаюсь своими делами, он его где-то находит. Эмоциональное состояние Элиана совершенно нестабильно, пренебрежение, порой едва ли не доходящее до агрессии, молниеносно сменяется дружелюбием, граничащим с любовью. Думаю, он просто не знает, как управлять всеми этими новыми ощущениями и эмоциями, которых прежде не испытывал.

Элиан показывает, как обращаться с топором, луком, ножами и палкой, и каждый вечер я тренируюсь. Мне нравится ощущать в руках их силу, осознавать, что одно мое движение может запросто отнять чью-то жизнь.

Места, по которым мы проходим, постепенно перестают быть дикими, а Элиан с каждым пройденным километром выглядит все более напряженным.

– Я чувствую его.

Мы проходим по улице какого-то городка. В нем ощущается жизнь. На улицах никого нет, но несколько раз я замечаю лица, мелькающие в окнах домов.

– Смерть? Он где-то в этом городе?

Я начинаю нервничать. До сих пор встреча с последним Всадником представлялась мне чем-то несбыточным и бесконечно неблизким, и теперь, осознав, как далеко я зашла и с чем могу столкнуться в любой момент, я очень боюсь.

– Не думаю. Но уже рядом.

От этих его слов у меня по спине пробегает холодок. Проснувшись сегодня утром, я точно не рассчитывала на такую скорую встречу с нашим загадочным врагом.

Стоит прекрасная погода. Яркое светит солнце, но уже совсем не обжигает, как я привыкла, все вокруг шевелится и дышит, теперь постоянно слышно пение птиц и шелест листвы деревьев. Вдруг мне становится смертельно холодно, будто кто-то опускает меня в ледяную реку. Я останавливаюсь и вижу взволнованный взгляд Элиана. Он тоже это чувствует.

Его глаза темнеют, фигура как-будто становится больше и выше, от него исходит какая-то животная сила. Не знаю, мои это ощущения или навешанные Элианом, но я кожей чувствую нависшую над нами опасность. Она рассеяна в воздухе и медленно проникает в нас, заставляя леденеть кровь. Предчувствие беды.

– Держи себя в руках, Ханна. Паника отравляет твой разум, я ощущаю ее отсюда, избавься от нее. Не бойся.

Элиан вдруг замирает и становится похож на восковую фигуру. Его глаза снова покрываются пеленой и он в этот момент как-будто находится где-то в другом месте. Я протягиваю руку к его лицу и вожу ей у него перед глазами. Через несколько секунд он резко хватается меня за запястье и морщится.

За спиной Элиана из-за дома выходит огромное животное. С каждым шагом, приближаясь, оно изменяется. Лоснящаяся шерсть перестает блестеть на солнце и исчезает, на ее месте остается голая кожа темно-серого цвета. Когти на огромных лапах удлиняются, сами лапы становятся тощими костями, обтянутыми уродливой кожей. Морда зверя вытягивается, из пасти с огромными зубами исходит горловое рычание. С первого взгляда я узнала в животном пуму, но теперь оно превратилось в нечто иное, потустороннее. Чудовище крадучись приближается, и я вижу его ярко-красные горящие глаза.

Я цепенею от ужаса. Элиан оборачивается, тянется к поясу, но не успевает выхватить нож, когда зверь бросается на него в резком прыжке. Ангел падает на землю и пытается не дать зверю схватиться за горло. Я в это время стою в двух шагах и лихорадочно соображаю, что мне делать. Если я ничего не сделаю, Элиан погибнет. На какое-то время. А когда это случится, милый зверек непременно переключится на меня, и тогда мне точно несдобровать.

Чудовище соскакивает с Элиана и снова бросается на него, оно рвет и кусает его плоть, Элиан рычит от боли, но не может вырваться. Через несколько ужасных мгновений, слушая его крики и дикое рычание зверя, я решаюсь. Стараясь не привлекать внимания, я медленно иду к своему рюкзаку, который лежит неподалеку, аккуратно вытаскиваю из него топорик, с которым тренировалась долгими вечерами, и так же тихо крадусь обратно. Собравшись с духом, я рывком запрыгиваю на чудовище. Почувствовав мой вес на спине, оно пытается сбросить меня, извивается, норовя достать зубами. Я выжидаю момент, когда зверь останавливается, замахиваюсь, и, собрав все свои силы, с диким воплем вонзаю топор ему в голову. Зверь взывает от боли и падает. Он придавливает меня к земле так, что я не могу пошевелиться. Чувствую, как под моими ладонями перекачиваются его мышцы. Когда через минуту он с трудом поднимается на лапы, я ползу подальше с максимально возможной в этой ситуации скоростью.

Пошатываясь, пуская кровавые пузыри из носа, чудовище идет на меня. У меня больше нет оружия, а голыми руками я вряд ли одолею эту грудку мускулов, когтей и зубов, пусть даже зверь и ранен. Он начинает набирать скорость, готовясь к смертельному для меня прыжку, но внезапно между нами появляется Элиан, присаживается к земле и, когда зверь прыгает, легко вспарывает ему брюхо своим клинком. Монстр с хрипом падает рядом со мной, из его утробы вываливаются внутренности и вытекает черная кровь.

– Ханна, ты цела? – Элиан подползает и осматривает меня.

– Да, я цела, а вот ты – совсем нет. Господи, что это было?

Я тяжело дышу, убирая растрепанные волосы с лица.

Элиан падает без сил рядом со мной и сквозь разорванную в лохмотья рубашку я вижу кровоточащие глубокие раны.

– Со мной все хорошо. – он закашливается и выплевывает сгусток крови.

– Ты же исцелишься, правда?

Трясущимися руками я подтягиваю его к себе, укладываю голову на колени и глажу волосы и лицо, стараясь хоть как-то помочь унять боль. Он смотрит на меня снизу вверх и улыбается, потом корчится от боли и закрывает глаза.

– Полежи. Постарайся заснуть. Я буду с тобой, не беспокойся ни о чем. – я говорю ему все это и чувствую, как по щекам бегут горячие слезы. – Только не оставляй меня надолго, прошу тебя. Я слишком далеко от дома по твоей милости, так что не смей меня бросать. Ты нужен мне, слышишь?

– Прекрати вести себя как ребенок. – в полуобморочном состоянии сквозь стиснутые зубы бормочет Элиан.

Он хмурится, глядя на меня, потом на мгновение его лицо смягчается, он улыбается и проваливается в сон. Я продолжаю гладить его по лицу понимая, что не могу остановить слезы. Вообще я редко плачу, но эмоциональные качели последних дней измотали меня и теперь я готова разрыдаться, глядя на смертельно раненого мужчину, даже понимая, что он и не мужчина в обычном понимании этого слова, ведет себя порой, как полный придурок, и не может умереть. Или дело в другом и мне стал безразличен этот ангел, готовый терпеть ужасные мучения, бросаясь мне на помощь, несмотря на то, что это ему явно не по душе?

Так я сижу довольно долго. Ноги начинают ныть, прося сменить позу, когда Элиан шевелится и открывает глаза. Он нервно осматривается, но когда понимает, где он и видит меня, расслабляется и улыбается.

– Ты вернулся ко мне.

Я снова чувствую слезы, только теперь они вызваны радостью. Наклоняюсь к губам Элиана и нежно целую. Как бы там ни было, он снова спас мне жизнь и сейчас я готова поступиться своими принципами и поблагодарить его как могу в сложившейся ситуации. Я глажу его лицо, запускаю пальцы в густые волосы и вдыхаю его запах. Элиан приподнимается и тянется ко мне, он обнимает меня одной рукой и отвечает на поцелуй.

В какой-то момент я понимаю, что впервые испытываю подобные эмоции. Желание захлестывает всю меня, я готова съесть Элиана целиком, раствориться в нем без остатка. В то же время в голове проскакивает мысль, что это неправильно, что он уйдет и оставит меня с разбитым сердцем на Земле, что такого как он я больше никогда не встречу и все чувства и эмоции к другим мужчинам будут жалкой пародией на те, что будоражат меня сейчас.

Неожиданно мне хочется уйти подальше от этого места, убежать туда, где я больше не увижу ни этих пейзажей, ни прекрасного лица Элиана. Я с трудом сдерживаюсь от того, чтобы сделать это, как вдруг сердце начинает биться быстрее от чувства бесконечной привязанности или даже трепетной любви к нему. Не понимаю, что со мной происходит.

Я осторожно отстраняюсь и смотрю на ангела.

– Теперь ты знаешь, что я чувствую, когда ты целуешь меня. Как это называется? Что за чувство? – Элиан садится и морщится от боли. Судя по всему, раны еще не до конца затянулись.

Так это были его эмоции. Я поделилась с ним тем, что он чувствует ко мне. В полнейшем замешательстве, я задумываюсь над ответом на его вопрос. Что это за чувства?

– Я не знаю. Обычно когда тебя целует человек, который тебе нравится, ты испытываешь приятные ощущения, которые ни с чем не спутать, и наоборот – ты чувствуешь неловкость и желание отстраниться от человека, который тебе не по душе. Ты же сейчас чувствуешь и то и другое. Я не знаю, как это понять и как назвать.

Элиан шевелится и корчится от боли, медленно встает и идет к трупам зверей. Я вижу, что его рубашка каким-то волшебным образом исцеляется вместе с телом. Он возвращается в свое обычное безупречное состояние. Это просто невероятно.

– Я больше не ощущаю присутствие Смерти. Этот зверь выследил тебя, а значит и Смерть теперь знает, где мы. Монстр смотрел на нас глазами Всадника и пытался убить по его воле.

Мне становится не по себе, я ежусь и подхожу ближе к трупам.

– Что это такое?

– «Ад следует за ним, и дана ему власть над четвертой частью Земли и может он умерщвлять мечом и голодом и мором и зверями земными». Смерть может призвать к себе на помощь земных хищников. Нас не нашли раньше только потому, что некому было искать. В тех гиблых местах, которые ты зовешь домом, не водятся хищники, но здесь их уже довольно много. В любом случае, Смерть видел, где мы и что мы вместе.

– Зачем ему мы? Он ведь хочет отомстить Чуме.

Я в который раз берусь понять, почему именно я должна быть во всем этом замешана.

– Я выполняю просьбу Чумы, я нашел тебя. А ты можешь помочь нам всем остановить Смерть. Всадник этого не хочет. Он вне себя от гнева.

Элиан собирает наши вещи, берет меня за руку и уводит.

– Пойдем, нам нельзя здесь оставаться.

Мы шагаем до самой ночи. Элиан молчит почти все это время, постоянно прислушиваясь и вглядываясь в окружение. Он не отпускает мою руку, успокаивая и внушая умиротворение. Я знаю, что все это мне навязано и не будь рядом моего спутника, я в панике бежала бы сломя голову назад, в родные места. Но чувствуя тепло его ладони, видя, какой он большой и сильный, вспоминая, как яростно сопротивлялся монстру, я и сама успокаиваюсь.

Мне не нравится возвращаться мыслями к тому, что с нами сегодня случилось и, стараясь отвлечься, я думаю об Элиане. Он пришел в мой мир, не имея представления о нем. Ему сложно определиться, как он должен относиться к тому или иному событию в его новой земной жизни, он не понимает, как выразить эмоции, поэтому мечется. Мне хочется верить, что так и есть и дело вовсе не во мне.

Осознавая все это, я в который раз задумываюсь о том, что будет после него. Как заменить ангела во плоти? Никто из смертных не сможет быть таким безукоризненно хорошим для меня, как он. Никто не сможет утешить в моменты грусти, как он, никто не поцелует меня так, как он. Никто не защитит. Никто не сможет защитить и самого себя, если встретит на пути Смерть. Но Элиан готов к этой встрече. Не знаю, какая роль в этом спектакле уготована мне, но знаю точно, что он пойдет в этот бой в авангарде, не смотря ни на что. Я чувствую эту уверенность в нем. Ощущаю себя шестнадцатилетним подростком, очарованным новым симпатичным знакомым парнем. Глупая Ханна.

Глубокой ночью мы заходим в очередной дом. Нам неважно, как обстоят дела внутри, главное – скрыться от кровавых глаз возможных преследователей и отдохнуть. Я устала и замерзла. Теперь повсюду меня преследует чувство опасности. Нервы натянуты, как струны, а когда Элиан выходит из поля моего зрения, я вся становлюсь комком нервов.

Пока он уходит на поиски еды и дров, я зажигаю масляную лампу, которую нахожу в небольшой пристройке к дому. Так же там находится много разных инструментов: пила, молоток, топор и другие. Вместе с лампой я забираю небольшой ломик. Он может пригодиться, в этом я даже не сомневаюсь.

Когда я возвращаюсь в дом, Элиан уже разводит огонь в камине и возится с едой. Он где-то достал черствый хлеб и немного вяленого мяса. На столике у камина лежит несколько яблок. Огонь освещает уютную комнату и делает ее не такой злобной. Я совсем не голодна, несмотря на то, что не ела как-будто уже тысячу лет.

Я ставлю лампу у входа и тихо стою, любясь своим спутником. Как ему удастся сдерживать свои эмоции? Он не показывает страха, не говорит о боли, о беспокойстве по поводу приближающегося к нам ужаса в лице Всадника Апокалипсиса, он не показывает своих желаний. Некоторые из них ему точно присущи.

Подойдя к камину, я встаю рядом с Элианом. Он приветственно улыбается и продолжает возиться с дровами. Я сажусь на небольшой диванчик и пытаюсь проглотить немного еды. Ничего не лезет в горло. Я забираюсь на пыльный диван с ногами и укутываюсь в кофту. Элиан садится рядом и смотрит в огонь.

– О чем ты сейчас думаешь? – я задаю вопрос, прекрасно зная на него ответ.

– Нам нужно продолжить тренировки, ты должна научиться управлять своей силой. Должна освободить ее всю.

– Если бы я только знала, о чем ты сейчас толкуешь. Я всю жизнь прожила в захолустье, занималась всякой ерундой, не зная забот, и сейчас рядом со мной сидит сверхъестественное существо и просит от меня непонятно чего. Я не знаю, что мне нужно делать.

Элиан поворачивается ко мне всем телом, берет за руки и серьезно смотрит на меня.

– Смотри.

Я уже знаю, что последует за этими словами, поэтому занимаю позу поудобнее и закрываю глаза.

Дымка вокруг меня рассеивается и я вижу тот же пейзаж, что видела днем, когда на нас напал зверь. Я вижу, как шагаю рядом с Элианом, мы держимся за руки и выглядим напряженными. Вижу, как из-за дома позади него выбегает то самое чудовище и валит его с ног. Я все это пережила на самом деле и это не доставило мне ни малейшего удовольствия в первый

раз, зачем мне смотреть на это вновь? Я знаю, что было дальше и ожидаю от себя в видении определенных действий, но неожиданно вижу, как бегу на зверя без какого-либо оружия в руках. Я оббегаю его спереди и с силой тяну за загривок, пытаюсь стащить с Элиана. Животное извивается, но поддается. Я перехватываю руками его челюсти и разрываю голову на части. Когда зверь с шумом обрушивается на землю, я изо всех сил кричу на него, выплескивая скопившуюся ярость. Затем я снова вижу дымку и появляющееся из нее лицо Элиана, освещенное теплым светом камина.

– Ты показал мне неправду. Это была не я. – я мотаю головой из стороны в сторону, отнимаю руки и отворачиваюсь к камину. – Я никогда так не смогу, как бы ты ни пытался меня учить. Кроме того, все ангелы бессмертны, включая нашего Всадника. Как физическая сила может помочь его победить?

– Физическая сила никогда не бывает дана в ущерб своему обладателю. Она дана тебе для защиты не от Смерти, а от всего того, что может следовать за ним. Он может использовать кого-то в своих интересах, даровать ему способности, но не может разделить с ним свое бессмертие. Когда ты сейчас коснулась меня, я почувствовал твой страх, это чувство съедает изнутри, туманит рассудок и искажает реальность в твоих глазах. Я не чувствовал подобного прежде, но сейчас могу признаться тебе, что и я боюсь.

Я удивленно поднимаю брови.

– Чего же ты можешь бояться? Ты ведь из любой ситуации всегда выйдешь победителем.

– Я боюсь не за себя, девочка.

Он гладит меня по щеке, медленно ведет пальцами по губам. Я задыхаюсь от удовольствия. Сейчас я не знаю, проецирует ли Ангел на меня свои эмоции или это ощущаю я сама, в любом случае мне совсем не хочется прерывать это.

– Я помогу тебе раскрыть твой потенциал. Ты послана на Землю Богом, помнишь?

– Да. – я улыбаюсь и отворачиваюсь. Связь разрывается и на меня вновь находит хандра. – Я поищу воду, мне жизненно необходимо смыть с себя сегодняшний день.

Я беру лампу и иду в ванную, моля Бога, чтобы водопровод был исправен. Каким-то чудом из крана течет вода. Она еще не успела остыть в горячих трубах, поэтому я быстро раздеваюсь и залезаю в ванну. Вода становится прохладнее, но это не останавливает меня, я хочу помыться! Нахожу на полу кусок потрескавшегося пыльного мыла и мою голову и измученное тело. Прохладная вода успокаивает и снимает напряжение с мышц. Скоро я начинаю замерзать в уже холодной воде, которая течет теперь тонкой струйкой, и скорее заканчиваю водные процедуры. Выхожу из ванны и, накинув на плечи свою кофту, иду в спальню в поисках какой-нибудь одежды. Пока я роюсь в большом платяном шкафу, сзади неслышно подходит Элиан.

– С тобой все в порядке?

Я подпрыгиваю от неожиданности и роняю кофту. Элиан наклоняется, поднимает ее и набрасывает на меня. Мое сердце готово выпрыгнуть из груди от ощущения его близости. Он гладит мои плечи, спускается ниже по рукам и, когда его пальцы, скользя по моим, готовы исчезнуть в темноте, я протягиваю руку и хватаюсь за них. Поворачиваюсь к Элиану и притягиваю его к себе. Он мягко обнимает меня, руки гладят спину, блуждают по ягодицам. Я прижимаюсь к его груди, кофта снова падает, но мне уже все равно, оставляю ее лежать на полу. Я готова отбросить предрассудки и отдаться чувствам, давно ищущим путь к свободе. Я жадно цепляюсь за Элиана. Его мышцы напряжены, он тяжело и порывисто дышит, обнимая меня крепче.

В глубине души я осознаю, что поступаю неправильно, но маленькая внутренняя эгоистка шепчет мне, что я просто обязана помочь Элиану определиться в чувствах ко мне. Я больше не хочу думать о том, что находиться рядом со мной, защищать и рисковать собственной жизнью ради меня ему в тягость и он делает это, борясь с самим собой, лишь потому, что

его об этом попросил кто-то другой. Меня сейчас не волнует и то, что я, возможно, и вовсе заблуждаюсь, думая, что ангелам есть хоть какое-то дело до смертных. Мне все равно.

Я выскальзываю из его объятий лишь на секунду, чтобы откинуть пыльное покрывало с кровати. Простынь под ним не первой свежести и пахнет сыростью, но мне на это абсолютно и бесповоротно наплевать, все, чего я сейчас хочу и что меня действительно волнует, стоит с удивленным видом прямо передо мной.

Одним шагом я возвращаюсь к Элиану, обхожу его, разворачиваю спиной к кровати и толкаю. Он падает на мягкий матрас и приподнимается, чтобы сесть, но я не даю ему это сделать, уже устраиваясь сверху. Быстрыми неловкими движениями я пытаюсь расстегнуть пуговицы на его рубашке. У меня не очень выходит, поэтому Элиан убирает мои руки в сторону и быстро снимает рубашку сам. Потом он ложится и внимательно наблюдает за мной. Я наклоняюсь и снова целую его. Он гладит мои бедра, нежно касаясь их теплыми ладонями.

С ремнем на его брюках я справляюсь сама и откатившись на бок, стягиваю их и бросаю на пол. Элиан предстает передо мной во всей красе, таким, каким его создал Бог. В тысячный раз убеждаюсь, что он – совершенство. Я никогда не видела людей, хоть немного похожих на него. Черты его лица привлекают, изумрудные глаза, кажется, смотрят прямо в душу, широкие плечи, грудь, плоский живот с напряженным сейчас прессом, мощные ноги – все это притягивает меня. За сегодняшний день я испытала слишком много сильных переживаний, изводить себя еще и желанием прикоснуться к его телу я больше не могу. В голове тем временем монотонно звучит: «Я не занимаюсь сексом с тем, кого не люблю»...

– Что ты делаешь? – Элиан лежит абсолютно голый без тени смущения или неловкости, будто каждый день демонстрирует свои прелести всем желающим.

– Ты учишь меня защищаться от монстров, пытаешься показать мне, на что я способна. Я тоже хочу преподать тебе небольшой урок. Ты сам говорил, что учишься у меня, с моей помощью узнаешь этот мир. Будь хорошим ангелом, расслабься и прислушайся к себе.

Я возвращаюсь к нему, но не успеваю добраться до цели, как он встает, перехватывает меня за талию и бросает на кровать, где только что лежал сам. От неожиданности я вскрикиваю, прикрываю грудь руками и стыдливо свожу ноги. Длинные волосы, закрывавшие мою грудь, когда я сидела, теперь разметались по простыне.

– Если хочешь, чтобы я прилежно слушал твой урок и хорошо его усвоил, прекрати прятать от меня свою красоту, птишка. – Элиан нависает надо мной и убирает руки от груди. Он опускается и целует ее, потом поднимается к губам, лаская грудь рукой. – Ты самое прекрасное создание из всех, кого я встречал на этой брэнной планете. Я видел твоё сердце и твою душу. Я видел тебя, когда ты грустила и когда радовалась. Я видел, как тебе было одиноко в той глуши. Ты инстинктивно знала о своей силе и своем предназначении. Ты была заперта, но теперь освободилась. Я чувствую, что ты в смятении и готов пройти с тобой весь путь до конца. Ты даже не представляешь, насколько ты важна. Ханна..

Он гладит меня по волосам, а я не знаю, что сказать. Он видел, как я радовалась и грустила? Он следил за мной с небес? Или разглядел все это в моей голове? До сих пор он был со мной учтиво холодным, а иногда и просто холодным. Я покрываюсь мурашками не столько от его прикосновений, сколько от нежных слов. Голова кружится, я совсем запуталась и чувствую себя словно подросток, у которого гормоны бьют через край, заглушая голос здравого смысла.

Не в силах успокоить бешено колотящееся сердце, я пытаюсь приподняться когда Элиан переплетает свои пальцы с моими. Мое тело моментально каменеет, становится тяжелым и я проваливаюсь в видение. Передо мной все тот же Элиан, я вижу собственное обнаженное тело под ним, изменилась только окружающая нас обстановка. Я больше не вижу пыльных выцветших стен нашего ночного пристанища. Вместо затхлой кровати и тусклой масляной лампы я вижу прекрасный луг с благоухающими цветами, порхающими над ними бабочками и птицами, поющими нам песни с веток высоких деревьев.

Элиан целует меня вновь, отстраняется и ждет моих слов. Я не говорю ничего, просто притягиваю его к себе и отвечаю на поцелуй. Неистово, будто изголодавшийся по добыче хищник, я обвиваю его руками и ногами, впиваюсь ногтями в кожу, стону от удовольствия. Желание с новой силой захлестывает мое сознание и Элиан, чувствуя это, явно разделяет мое состояние. Он покрывает поцелуями мое тело, двигаясь от губ к груди, обводит языком сосок, опускается к животу, разводит ноги и продолжает целовать. Он опускается ниже и целует меня там. Я с шумом выдыхаю, извиваясь. Я уже готова потерять сознание, когда Элиан возвращается к моему лицу.

– Я чувствую тебя всю, Ханна. Чувствую твоё желание. Ты – мой проводник в мир ваших человеческих удовольствий. Мне нельзя спать со смертными, вообще ни с кем нельзя. – Элиан закрывает глаза на секунду, целует меня в изгиб шеи и шепчет: – Я готов сделать этот шаг с тобой. Ты уверена, что тоже этого хочешь?

Элиан шепчет мне все это на ухо, лаская чувствительные зоны моего тела, и я киваю, не в силах больше сопротивляться.

– Я никогда не занимаюсь сексом, но сейчас, нарушив это свое правило, впоследствии я никем не буду наказана, но что случится с тобой, если ты нарушишь запрет?

Он поднимается на руках, пожирая меня глазами, целует губы и шею, рукой ласкает грудь и живо.

– Я буду наказан, возможно даже изгнан. Я отвечу за все свои проступки, когда придет время. Не думай сейчас об этом. Преподай мне этот урок, я готов.

Я чувствую, как его затвердевший член упирается в меня. Беря инициативу в свои руки, я раздвигаю ноги шире и подаюсь вперед. Элиан шумно выдыхает и медленно входит. На пару секунд у меня перехватывает дыхание. Вижу, как темнеют его глаза, когда он полностью меня заполняет. Он начинает двигаться, тоже медленно, давая мне насладиться им. Затем ускоряется, движется грубее и властнее, я сжимаю его руки, вцепляюсь в грудь и почти кричу, когда он снова замедляет движение, выходит и ласкает мою грудь губами. Он испытывает меня, дразнит и заставляет мысленно умолять продолжить. Я стону от изнеможения, все мое естество требует, чтобы пытка прекратилась и Элиан, будто читая мысли, снова входит. Я выгибаюсь, он двигается так, как мне нравится и я уже готова достигнуть пика наслаждения. Элиан видит это и улыбается одними уголками рта. Он ускоряет темп, стонет громче. Я полностью отдаюсь в его власть, чувствуя, какой он большой, слыша, как он произносит мое имя. Он с силой сжимает мои бедра, и это заводит еще больше. Я чувствую боль, кожа под его руками горит, еще пара толчков и мое тело выгибается в сильнейшем экстазе. Элиан не останавливается, растягивая мое удовольствие, опускается, целует меня и хватается за ягодицы. В этот момент окружение начинает мерцать, картинка становится ярче, звуки громче и отчетливее. Он с трудом контролирует созданную иллюзию. Я чувствую движение воздуха вокруг, слышу, как быстро бьется в груди его сердце, слышу, как он тихо стонет. Несколько резких движений и он изливается в меня. Когда Элиан, тяжело дыша, целует меня вновь и ложится рядом, иллюзия рассеивается и мы, как и прежде, оказываемся на старой кровати в чужом доме в серой и неприметной реальности.

Я лежу и смотрю на паутину, свисающую с потолка. Здесь живут пауки. Никогда не видела паука. Я обдумываю все, что угодно, кроме того, что только что произошло и не замечаю, что плачу. Одинокая слезинка выскользает из уголка глаза и катится к уху.

– Я сделал тебе больно?

Элиан тянется ко мне, чтобы коснуться и, вероятно, успокоить своей магией, но я резко сажусь.

– Нет, абсолютно точно нет. Мне было замечательно, еще никогда я не испытывала ничего подобного и это пугает меня больше всего.

К горлу подкатывает ком и я выхожу из комнаты, избегая дальнейшего разговора на эту тему.

Что же ты творишь, Ханна? Ты соблазнила ангела. Он был не прочь поразвлечься, но для тебя ведь это может быть не просто развлечением. Случившегося не отменить, но впредь держи себя в руках и не позволяй глупому сердцу властвовать над разумом! Ничем хорошим это не закончится. Ни для тебя, ни для него.

Глава 5

Когда следующим утром после того, как я завтракаю и принимаю душ мы отправляемся в путь, я задумываюсь о том, как смертным женщинам удалось остановить троих Всадников и даже влюбить их в себя. Должно быть, они были какими-то особенными, воинственными, неукротимыми, теми, кто смотрит смерти в лицо, не боясь ее. Такие женщины должны нравиться плохим парням. Я вспоминаю слова Элиана обо мне. Он видел меня такую, какая я есть. Он сказал, что я прекрасна и все в таком духе, но от этого нисколько не легче.

Сможет ли он остаться со мной, как Всадники со своими возлюбленными? Способен ли Смерть убить себе подобного? Способен ли мой ангел на искреннюю любовь без навеянных иллюзий? Я не знаю. Вряд ли мне вообще стоит впускать в голову такие мысли.

Наивная маленькая девочка, увидевшая прекрасного неземного красавца, нафантазировала им обоим прекрасную жизнь вместе на годы вперед. И жили они долго и счастливо. Пора вспомнить, что так бывает только в сказках. В реальной жизни ничто не дается просто так и за все, что дается, приходится рано или поздно платить, и какой будет моя цена мне еще предстоит узнать.

Как бы я ни хотела видеть в своем спутнике обычного мужчину, у меня ничего не выходит. И это обусловлено не только тем, что он обладает способностями, о которых грезят маленькие дети, начитавшись глупых книжек, но и тем, как он себя ведет. Иногда я совсем его не понимаю. Его поведение и поступки не поддаются никакой логике. Он говорит, что мое настроение меняется молниеносно, что я живая, но порой я чувствую себя с ним более мертвой и предсказуемой.

Находясь рядом со мной, он впитывает мою энергию, мое настроение, мои повадки. Лишь раз коснувшись, он может прочесть меня, словно книгу и открыть для себя мои желания или мои страхи. Он быстро всему учится. При этом он, все же, становится похожим на смертного. Это вводит меня в замешательство.

Мы в пути уже несколько дней, останавливаемся лишь на вечерние тренировки и ночной отдых. Чаще всего нам приходится ночевать под открытым небом или в полуразрушенных домах. Это не вселяет в меня воодушевления, но постепенно я начинаю относиться к этому спокойно. Человеку свойственно ко всему привыкать, и жизнь в полевых условиях не исключение. Когда я впервые осознала, что такое смерть, что она необратима, и увидела, что происходит с трупом через какое-то время после смерти, я была шокирована и подавлена. Вскоре я приняла все это и смирилась. А спустя еще какое-то время я стала воспринимать смерть, как что-то обыденное, что-то такое, на что не стоит обращать слишком много внимания. Так что теперь, размышляя о том, как сложно мне придется в грядущем путешествии, я понимаю, что скоро привыкну к неудобствам.

Мы шагаем по улицам очередного города, утопающим в пышной зелени. Высокие дома от земли до верхних этажей обвивают лианы и плющ. Здесь влажно и душно, я не привыкла к такому и хочу поскорее уйти отсюда.

Я еще не знаю, есть ли здесь люди, но инстинктивно оглядываюсь по сторонам, высматривая любое возможное движение. Чувствую себя загнанной в угол и ожидаю появления опасности в любой момент.

Находить еду и воду теперь не составляет никакого труда. Нам встречается много дичи, а Элиан, на мою удачу – отличный охотник. Он заботится обо мне, оберегает от всего на свете и ни слова не говорит о той ночи. Я этому рада, не хочу мучить себя угрызениями совести и

пытаться придумать оправдание своим поступкам. Безрассудно и безответственно, но я подумаю об этом когда-нибудь потом. Если выживу.

Мы проходим мимо небоскребов. Эти гиганты производят на меня яркое впечатление. В моем городке большинство зданий не превышают двух или трех этажей, и те в большинстве своем разрушены, здесь же все иначе. На этажах повыше еще остались целыми стекла. Со временем они загрязнились и стали тусклыми, но и теперь в них еще отражается яркое солнце.

Скоро мы выясняем, что город заброшен и здесь нет ни души. Иногда в переулках я замечаю кошек или крыс. Где-то вдалеке слышу лай собак. Я закрываю глаза, представляя вместо этой грустной картины постапокалипсиса аккуратные улицы с живыми и здоровыми людьми, проживающими свою лучшую жизнь. Фантазирую, как мимо открытых дверей кафе с мороженым и леденцами в руках пробегают громко хохочущие дети, как на них так же громко ругаются недовольные таким поведением старушки, мирно потягивающие освежающие напитки, сидя в удобных креслах на террасе кафе под открытым небом.

Через несколько часов мы, наконец, выходим за пределы города небоскребов и движемся дальше по дороге в сторону пригорода с маленькими домиками. Уже начинает темнеть, я замечаю в окнах домов дрожащий свет. В сердце прокрадывается паника. Я так давно ни с кем не разговаривала, кроме своего спутника, что перспектива заводить новые знакомства меня совсем не радует. К тому же, учитывая, что я вообще никогда не видела людей из других городов, мою панику можно считать вполне обоснованной.

– Здесь начинается жизнь. – я вздрагиваю от неожиданности когда, разрывая сумеречную тишину, звучит голос Элиана. – Нам нужно найти свободный дом на ночь, очень скоро ты увидишь, ради чего мы начали наше путешествие. Идем.

Он берет меня за руку и ведет сквозь маленькие дворики с покосившимися заборами вглубь улицы. На отшибе мы находим дом, в котором, судя по всему, до недавнего времени кто-то жил. Внутри практически идеально чисто, есть вода и дрова для камина. А что, если хозяева дома просто ушли куда-то и скоро вернуться? Что мы им скажем? Я понимаю, что это уже не мой разваленный, Богом забытый захолустный городок, здесь много людей, каждый из них наверняка готов защищать свое жилище и имущество.

Мы проходимся по комнатам, в спальне стоит прекрасная кровать с довольно удобным матрасом и мягкими подушками, как только я ее вижу, сразу ощущаю невыносимую усталость. Я не хочу ни есть, ни пить, лишь отдохнуть. И помыться, конечно же, я безумно хочу принять ванну. Еще совсем недавно я ворчала и жаловалась сама себе на то, как мне приходится туго, каждый день носить с улицы воду. Теперь же я была бы рада и такой возможности, лишь бы у меня просто была вода.

Элиан остается в гостиной и разводит огонь, а я иду в ванную. В каждом из домов, где мы находили ночлег, я первым делом искала возможность освежиться, как Элиан может осознанно пренебрегать такой замечательной возможностью без лишних усилий снять этот бесконечный стресс? Испытывает ли он вообще стресс?

Я набираю ванну, раздеваюсь и залезаю в воду. Она ледяная и я громко ахаю, покрываясь гусиной кожей. Через секунду в комнату входит Элиан и интересуется, что случилось.

– Все в порядке, я просто пытаюсь принять ванну. Вода очень холодная, я этого не ожидала.

Я прикрываюсь руками, стараюсь съежиться и стать незаметной.

Элиан подходит ко мне и протягивает руку. Я в недоумении смотрю на него.

– Дай мне руку, девочка. Только лишь свою руку, не бойся.

Я дотрагиваюсь до его пальцев и чувствую, как вода в ванне становится теплее, я смотрю на нее, потом на него, он улыбается.

– Если хочешь мыться в теплой воде, не отпускай меня

Он игриво подмигивает и смеется, а я еле сдерживаю восхищенный вздох. Впервые вижу, как он смеется. Он сейчас выглядит, как беззаботный подросток, а не посланник Бога со своей сверхважной миссией.

– Ты серьезно? Твои чары не работают на расстоянии?

Я сажусь в воду спиной к нему, не отпуская его руки. Как бы мне ни было неловко, мыться в теплой воде я хочу все же сильнее, чем отделаться от Элиана.

Он присаживается рядом с ванной и начинает массировать мне плечи. Я расслабляюсь. Не сомневаюсь – он пустил в ход свой дар, но и теплая вода делает свое дело. Я закрываю глаза и мычу от наслаждения. Руки Элиана опускаются ниже, разминая спину, потом возвращаются к шее и движутся вниз к груди. Мое тело моментально реагирует на нежные прикосновения, соски твердеют, голова идет кругом, а внизу живота разгорается огонь. Что он делает со мной? Он усвоил свой урок даже слишком хорошо и теперь не устает демонстрировать навыки.

Элиан убирает мои волосы в сторону и шепчет:

– Ты прекрасна, милая Ханна.

Я чувствую кожей его горячее дыхание, ежусь и покрываюсь мурашками. Все в нем возбуждает желание: его глубокий голос, его мягкие движения и прикосновения, его нежные слова, забота и уход, его способности и умение их применять. Я так не хочу влюбиться в него, а потом умирать от боли в разбитом сердце, когда он уйдет. При этих мыслях на фоне сильного возбуждения мои эмоции смешиваются, превращаясь в вихрь и предательская слеза снова течет по щеке.

Вода становится почти горячей, когда Элиан касается моей груди и ласкает соски.

– Ты сказала, что не занимаешься сексом, – шепчет он, целуя шею, – тогда как ты назывешь то, чего сейчас так жаждешь?

Он чертовски прав, я желаю его больше всего на свете, но назвать это любовью не могу. Признаюсь ему, а главное себе в том, что это любовь, я проиграю.

– Это ошибка.

Я оборачиваюсь к нему, и он убирает руки. Вода мгновенно снова становится ледяной. Элиан встает и молча пятится к выходу. Я быстро заканчиваю с мытьем и выскакиваю из воды.

Ночью мне снятся кошмары. Я вижу Смерть. Он скачет на своем бледном коне и рубит косой всех, до кого может дотянуться. Люди бегут от него, но у них нет и шанса на спасение, Смерть настигает их. Вдруг я слышу страшный гром и Смерть кричит мое имя.

– Ханна!

Я открываю глаза и в полутьме различаю силуэт Элиана. Он стоит у моей кровати и трясет меня за плечо.

– Ханна, проснись.

Я сажусь и пытаюсь рассмотреть его.

– В чем дело?

Элиан зажигает лампу и я вижу, что вся его одежда порвана и измазана кровью.

– Что случилось? Почему ты в крови?

Я задаю вопросы, надеясь на то, что Элиан ответит мне какую-нибудь нелепую ерунду вроде того, что он упал или что-то подобное, но понимаю, что все серьезно.

– Нам пора уходить, он близко.

– Смерть? Он сделал это с тобой?

Я в шоке быстро натягиваю штаны и рубашку, которые нахожу в хозяйском шкафу.

– Нет, он следует за нами ногами своих солдат, следит за нами их глазами и скоро захочет встретиться лично.

Элиан собирает все необходимое в рюкзак. Когда он бросает его на пол, внутри звенит металл нашего нехитрого оружия.

Ангел весь снова разорван в лохмотья, но совершенно не показывает, что испытывает едва выносимую боль. Я не могу просто стоять и смотреть на него, быстро иду к нему и обнимаю, стараясь делать это как можно аккуратнее. Он шипит и оборачивается ко мне, глаза сверкают от избытка адреналина в крови, мышцы напряжены. От него пахнет кровью. Он прижимается ко мне, стараясь не запачкать одежду. Несколько мгновений мы просто молча стоим и переживаем этот момент вместе.

Когда он притягивает меня к себе, касаясь обнаженной кожи, я на секунду чувствую его боль. Она яркой вспышкой загорается во всем теле и быстро уходит. Я поднимаю испуганные глаза на Элиана, он гладит меня по щеке, успокаивая.

– Извини. Все будет хорошо, птишка, не бойся.

Я встаю на носочки и тянусь к его губам. Он опускается и отвечает на поцелуй. Я просто не могу себя сдерживать. Мне до глубины души жаль Элиана. Он оберегает меня, стараясь укрыть от любой напасти, а сам при этом берет весь удар на себя. Я прекрасно понимаю, что его раны быстро затянутся и даже на одежде не останется ни следа, но не могу не проникнуться его болью в данный момент.

Каждый раз, когда он касается меня, смотрит на меня или называет мое имя, я готова растаять, готова бросить все здесь и сейчас и убежать с ним на край света, где нас никто никогда не найдет, но потом здравый смысл вступает в игру, и я отбрасываю наваждение подальше. Мы не должны заходить так далеко. Время скоротечно, оно быстро пронесет нас сквозь все предстоящие события, какими бы они ни были и настанет пора прощаться. У каждого в мире есть свое предназначение, и предназначение моего ангела явно не в том, чтобы оставаться торчать на Земле, став примерным мужем.

Я мотаю головой, отбрасывая неприятные мысли и крепче прижимаюсь к Элиану. Когда случайно задеваю его раны, он рычит мне в макушку, отчего по телу у меня пробегает электрический разряд. Даже в таком уязвимом израненном состоянии он умудряется быть безумно сексуальным.

Минуты бегут, как песок сквозь пальцы, и мы вынуждены отправляться дальше.

Когда мы выходим из дома, небо на востоке уже начинает светлеть. Раны Элиана выглядят гораздо лучше, с каждой секундой затягиваясь и исцеляясь все больше.

– Почему мы не можем остановиться здесь и дожидаться, пока Смерть сам не явится к нам?

Я нарушаю долгое молчание. В предрассветной тишине мой голос звучит слишком громко и неприятно.

– Можем, но не станем. Смерть движется нам навстречу. Его путь лежит через самый густонаселенный участок суши в этой части планеты. Прежде, чем пытаться достать тебя, он уберет со своего пути других. Он уничтожит всех без разбора и никто не сможет ему противостоять. Кроме того, там ты сможешь получше прислушаться к себе и обуздать то, чем награждена. Я на это надеюсь.

– Почему? Мы что, ищем какое-то место силы или что-то вроде того?

– Что-то вроде того. – Элиан снисходительно улыбается и я понимаю, что он не хочет продолжать этот разговор.

– Расскажи мне, что случилось утром.

Мы шагаем по разбитой асфальтированной дороге, из трещин растут тоненькие деревья, цепляющиеся за жизнь. Мне стоит позавидовать их целеустремленности.

– Они подобрались слишком близко к дому, мне пришлось отказать им в гостеприимности.

– Кто это был?

Такие раны оставил явно не маленький зверек.

– На этот раз это были волки. Вернее сказать – волками они были до того, как Смерть призвал их. На встречу со мной из леса вышли уже мерзкие посланники ада, не знающие боли, не подчиняющиеся никаким инстинктам, только его воле.

– Их было много?

– Пять. Но я был готов к их визиту. – Элиан шуточно показывает мне свои мускулы и смеется. Снова эта его улыбка. Я смотрю, как он дурачится и тоже улыбаюсь. Он постепенно открывается, все больше становится похож на обычного смертного человека, которому приписуи наши чувства и эмоции.

Я понимаю, что мы сближаемся, чаще и дольше разговариваем, и разговоры эти от раза к разу становятся откровеннее. Это меня очень радует, мне не хотелось бы всю дорогу идти в гордом одиночестве в то время, как рядом шагает этот угрюмый, закрытый и чужой здоровяк.

К полудню небо затягивает тучами и начинает накрапывать дождь. Редкие ледяные капли быстро переходят в настоящий ливень и мы решаем скорее укрыться под деревьями. Порой я все еще не верю своим глазам, глядя на жизнь, которая меня окружает здесь. Столько зелени и ярких красок, такое разнообразие цветов и трав, и, конечно же, животные. Я бы хотела показать этот совершенно другой мир Мие, она бы визжала от восторга как ребенок.

Интересно, что она сейчас делает. Прошло уже довольно много времени с нашей последней встречи, и, если она и предпринимала попытки найти меня, то сейчас уже, скорее всего, снова вернулась к своей обычной жизни. Уверена, что она чертовски переживает и ругает меня последними словами за то, что со мной что-то приключилось.

Я улыбаюсь своим мыслям, присаживаюсь к стволу дерева и пытаюсь согреться, обхватив ноги руками. Элиан садится рядом и касается моей руки. Как я и ожидала, по телу сразу разливается тепло. Я расслабляюсь и с благодарностью смотрю в его изумрудные глаза.

– Что будет, если Смерть победит?

Этот вопрос беспокоит меня с того самого момента, как я услышала о нем впервые. Первые три всадника не стерли всю жизнь с лица Земли безвозвратно лишь потому, что нашлись какие-то храбрые женщины, рискнувшие обуздать смертельную опасность. Ну или нам просто несказанно повезло. Трижды. Как бы там ни было, в четвертый раз удача и везение могут отвернуться от нас, и может не найтись храброй женщины, готовой рискнуть всем ради укрощения неукротимого. Впрочем, не уверена, что Смерть вообще способен на любовь.

– Наступит настоящий Апокалипсис. Не останется ничего и никого. Ситуация усложняется тем, что он злится на своих братьев. Он вне себя, готов рвать и метать. Гнев питает его, придает решимости и силы, а сил и решимости у него и без того в избытке.

– Как ты думаешь, у нас есть шанс выжить?

До сих пор я всегда думала об исходе нашей встречи в положительном ключе, планировала, куда подамся, когда все закончится, в мире воцарится спокойствие и Всадники Апокалипсиса будут побеждены и забыты. Думала о том, как несчастна буду, когда Элиан покинет меня навсегда. Но еще ни разу я не думала о том, что мы можем проиграть и погибнуть. Что будет тогда?

– Есть, птишка. Я сделаю все, чтобы ты выжила. Даже если весь остальной мир сгорит в адском пламени, ты останешься жива. Ты очень важна.

Он поднимает руку к моей щеке и я с удовольствием лгну к теплой ладони. Его слова ласкают и одновременно ранят душу, волнуют и согревают.

Мы сидим и говорим о Смерти еще какое-то время, как вдруг я замечаю, как зрачки в прекрасных глазах Элиана резко расширяются, взгляд становится отстраненным, а доброе выражение лица сменяется настороженным. Он встает, тянет меня за собой и прижимает палец к губам, призывая молчать. Я оглядываюсь по сторонам, пытаюсь разглядеть то, что его насторожило, но ничего не вижу.

Он притягивает меня к себе и я вижу туман, предвещающий видение. Когда туман рассеивается, я вижу лес у подножия невысоких гор. Отмечаю, что уже видела это место, оно совсем недалеко от нас. Верчу головой, пытаюсь заметить то, на что мне указывает Элиан и вдруг вижу, как из-за деревьев медленно выходит целая стая собак.

Они разные по размеру и породам, некоторые выглядят совершенно безобидно. Когда псы выходят из тени деревьев на луг, десятки пар глаз в один миг загораются красным и животные начинают меняться. Как и зверь, которого мы встретили первым, псы вырастают, вытягиваются, трансформируются и становятся не похожи сами на себя. Капли дождя заливают их гладкие шкуры, они скалятся и огрызаются друг на друга. Один из них выходит вперед и воет.

В этот момент видение исчезает и я вижу Элиана. Не успев открыть рот, я понимаю, что слышу тот самый вой из видения. В панике зажимаю рот рукой и лихорадочно соображаю, в какую сторону нам бежать.

Элиан улыбается и успокаивает меня, коснувшись руки. Я ищу глазами рюкзак с оружием, но он поворачивает мое лицо к себе и говорит:

– На этот раз ты попробуешь без него. Все, что тебе нужно уже у тебя есть.

Я не понимаю, о чем он говорит, просто стою и смотрю на него.

– Ты помнишь, как бросилась в атаку на то чудище? Где ты взяла на это силу? Ты была одна, никто тебе не помогал. Ты должна найти внутри себя эту силу и обуздать. Подчини ее своей воле.

Я в полнейшем замешательстве. Где мне взять неземную силу, которой у меня никогда не было? В тот раз со зверем я бросилась на помощь Элиану, не отдавая отчета своим действиям, в крови просто оказалось достаточно адреналина, чтобы притупить мое чувство страха и придать решимости и силы. Сейчас я просто безумно боюсь. Эти животные уже не милые домашние собачки, они – нечто иное, неправильное, отвратительное и жутко опасное.

– Иди ко мне, милая.

Элиан прижимает меня к себе, я поддаюсь, как тряпичная кукла. Осознание того, что это, возможно, последние минуты моей жизни совершенно не внушают воодушевления. Я обнимаю ангела, вдыхая его запах и впитывая тепло.

Внезапно он отстраняется и отворачивается от меня. Из-за его плеча я вижу, что первые псы уже совсем близко, еще пара минут и они доберутся до нас. Сердце в груди отбивает барабанную дробь, руки немеют, а ноги готовы в любой момент подкоситься. Дикий первобытный страх берет надо мной верх.

Я смотрю на то, как множество чудовищ пересекают луг, разделяющий нас, и чувствую, как рука Элиана касается моей. Он не оборачивается, просто ищет контакт со мной. И, как это всегда бывает, от его прикосновения я расслабляюсь. Больше нет страха и паники.

– Не отпускай меня, пожалуйста. – прошу я тихим голосом.

Он ничего не отвечает, крепче сжимая мою ладонь. Псы совсем рядом, Элиан занимает боевую позицию.

– Не дай им добраться до горла.

Элиан кричит мне это предостережение и бросается на псов, которые уже в нескольких шагах от нас.

Следующие события происходят как в замедленной съемке. Я вижу Элиана, которого снова рвут и царапают когти потусторонних существ, вижу, как сами существа отлетают в сто-

роны, когда он до них добирается. В то же время я понимаю, что не могу стоять в стороне, псов слишком много для одного человека, пусть Элиан не совсем человек и имеет суперсилу.

Сначала все звери бросаются на него, полностью игнорируя мое присутствие, но постепенно они замечают меня и идут в мою сторону. Я не двигаюсь. Сбрав всю волю в кулак, я закрываю глаза, глубоко вдыхаю воздух и прислушиваюсь. Незаметно все звуки становятся приглушенными: шум дождя, лай и рычание псов долетают до меня как будто издалека. Я открываю глаза и вижу разинутую пасть пса, гипертрофированно огромные зубы, язык вываливается, с него брызжет слюна, глаза горят пламенем.

Я все так же бездвижна. Сама не знаю, на что рассчитывала и о чем думала, но когда в самый последний момент я испуганно вскрикиваю, а пес почти добирается до меня, я зажимаюсь и чувствую, как руки Элиана хватают меня и отбрасывают в сторону.

– Ханна, соберись! Что ты творишь? – я встаю с земли и вижу, как те псы, что почти добрались до меня, теперь снова переключились на Элиана. Он неистово кричит на них, разрывает их пасти голыми руками, хватает и переламывает кости, как тростинки. Я смотрю на него и не узнаю. Он сам стал похож на потустороннего монстра. Все его черты заострились, губы скривились в ужасном оскале, голос звучит ниже. – Ханна! Не будь трусихой! Ты нужна мне!

Я начинаю двигаться в сторону отбивающегося Элиана, когда внезапно чувствую резкую боль. Один из монстров вцепляется мне в ногу. Боль простреливает все тело и я кричу. В то же время я чувствую тепло, разливающееся от места укуса. В ярости я хватаю пса за загривок и отбрасываю от себя. Он отлетает к дереву, взвизгивает, ударяясь, и снова несется на меня. Я сжимаю кулаки и бегу ему навстречу. Хватит! Я не позволю каким-то тварям рвать нас на куски. Кто бы ни вселился в них, кто бы ни призвал и ни дал им силу, он не имеет права так с нами поступать.

Я больше не ощущаю страха и неуверенности в себе, наоборот – я готова встретиться с каждым из монстров лично и убить их всех, не задумываясь. Я физически чувствую, как по венам свинцом разливается ярость и готова ко всему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.